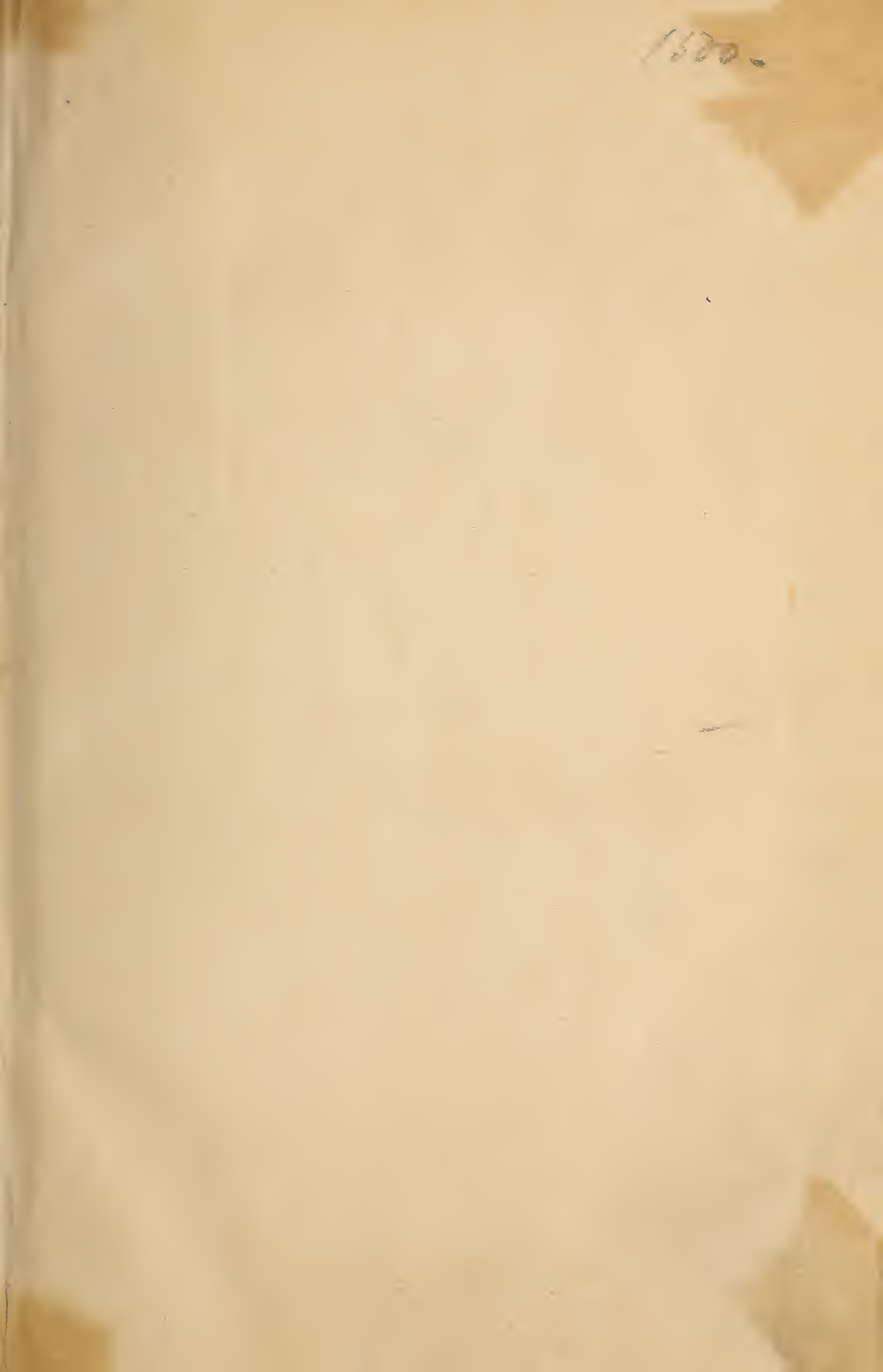

BX 601
.M26

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ

ИСТОРІИ СТАРООБРЯДСТВА,

ПО

РАСКОЛЬНИЧЬИМЪ РУКОПИСЯМЪ,

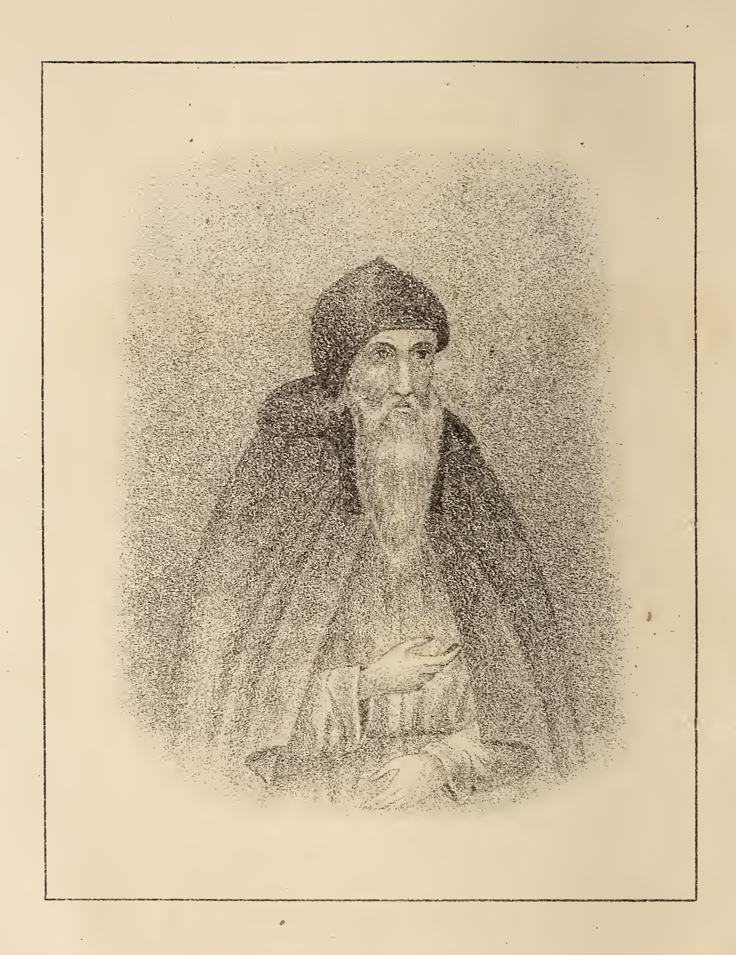
ПЕРЕДАННЫЕ

С. МАКСИМОВЫМЪ.

ИЗДАНІЕ Д. Е. Кожанчикова.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ ИНОКА КОРНИЛІЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза».
1861.

ИНОКЪ КОРНИЛІЙ

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ

ИСТОРІИ СТАРООБРЯДСТВА,

ПО

РАСКОЛЬНИЧЬИМЪ РУКОПИСЯМЪ,

ПЕРЕДАННЫЕ

С. МАКСИМОВЫМЪ.

Изданіе Д. Е. Кожанчикова.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ ИНОКА КОРНИЛІЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза».
1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 30 сентября 1861 года.

Ценсоръ *Ѳ. Рахманиновъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во всѣхъ сочиненіяхъ о русскомъ расколѣ, мы встрѣчаемъ одинъ весьма важный и существенный недостатокъ: это вообще недостатокъ знанія внутренной его жизни, объясненной въ такомъ поучительномъ и знаменательномъ обиліи въ сочиненіяхъ, писанныхъ самими раскольниками. До сихъ поръ, мы слышали только однихъ противниковъ раскола, не слыхали его защитниковъ и приверженцовъ; являлись только одни обвинители и судьи, не видно было самихъ обвиняемыхъ, не слышно ихъ оправданій. Оттого-то вообще такая неясность и запутанность понятій о самой сущности дѣла; оттого-то обнародованіе раскольничьихъ сочиненій столько же необходимо, сколько и полезно. Они одни въ состояніи выяснить окончательно этотъ туманный и запутанный вопросъ въ русской жизни,

который заурядъ съ московской земщиной, съ народными движеніями на Дону, Волгѣ, Уралѣ и въ Новгородѣ, представляетъ самыя яркія и законченныя картины въ русской исторіи: это едва ли не вся исторія русскаго народа.

Расколъ въ самомъ началѣ своего существованія — распространеніе сочиненій въ народѣ принялъ самымъ дѣйствительнымъ и надежнымъ средствомъ пропаганды. Сочиненій этихъ ходило въ народѣ великое множество. Главная цѣль первыхъ изъ нихъ былъ патріархъ Никонъ, какъ обвиняемый и какъ подсудимый. Протопопъ Аввакумъ написалъ нѣсколько посланій и статей, имѣвшихъ огромный успѣхъ въ народѣ и породившихъ даже особую секту, носящую имя протопопа. Вслѣдъ за Аввакумомъ писали: діаконъ Ѳедоръ (посланія), черный попъ Ѳеоктистъ (объ антихристѣ), московскій архимандритъ Спиридонъ (о правой вѣрѣ), попы Никита и Лазарь (челобитныя), соловецкіе старцы Азарій и Геронтій (также челобитную, сдѣлавшуюся символическою книгою). Съ начала XVIII вѣка характеръ сочиненій этихъ измѣнился: всѣ

онѣ были направлены исключительно противъ правительства духовнаго и гражданскаго. У раскольниковъ завелась своя книжная торговля, лавки и библіотеки, типографіи и разнощики. Ревностнѣе всѣхъ другихъ явились два даровитыхъ писателя Денисовы (Андрей и Семенъ). Эти преимущественно занимались разработкою біографическихъ матеріяловъ о тѣхъ изъ поборниковъ старообрядства, которые, рѣзко выдѣляясь изъ толпы, произвели сильное и глубокое вліяніе на массу русскаго народа. На этомъ именно отдѣлѣ раскольничьихъ сочиненій, мы рѣшаемся остановиться. Цѣль наша — прослѣдить за главными дѣятелями раскола по писаніямъ ихъ единомышленниковъ, безъ всякой предвзятой мысли и въ возможно-упрощенной формѣ. Заключеніямъ и выводамъ, мы даемъ мѣсто впослѣдствіи.

На этотъ разъ останавливаемся съ особенною охотою на старцѣ Корнилiѣ, какъ на одномъ изъ ревностнѣйшихъ и счастливѣйшихъ распространителей раскола. Онъ почему-то былъ незамѣченъ всѣми писавшими о русскомъ раско-

лѣ, и даже въ самыхъ поименныхъ перечняхъ раскольничьихъ проповѣдниковъ, имя его было пропущено. А между тѣмъ вотъ что разсказываютъ объ немъ.

I.

ПОВѢСТЬ

ДУШЕПОЛЕЗНА О ЖИТІИ И ЖИЗНИ

ПРЕПОДОБНАГО

ОТЦА НАШЕГО КОРНИЛІЯ,

иже бысть на Выгу рѣцѣ близъ озера Онега,

написанная подъ диктсвку самаго старца сожителемъ и ученикомъ его Пахоміемъ, жившимъ также на Выгѣ рѣкѣ (1).

Въ дальныхъ и темныхъ ветлужскихъ лѣсахъ живетъ старецъ Капитонъ и съ нимъ, подъ его началомъ, еще тридцать иноковъ. Разъ является къ Капитону юноша, кланяется ему въ

---

(1) На принадлежащемъ мнѣ экземплярѣ приписано въ концѣ житія: «сіе преписано съ самаго его инока Пахомія руки». Книгу эту пріобрѣлъ я въ Пустозерскѣ, на рѣкѣ Печорѣ.

ноги, проситъ благословенія и молитвъ. Капитонъ, *имѣя чинъ священства, благословляетъ его рукою* и говоритъ:

— Богъ да благословитъ тя, чадо!

— Откуда еси, коего града и отъ коея веси?

— Азъ родихся на Тотьмѣ рѣцѣ, земледѣльца отца сынъ; пятинадесяти лѣтъ остахся единъ, обучихся грамотѣ.

— Что есть имя твое?

— Имя мое Кононъ.

— Чего ради сѣмо пріиде?

— Пріидохъ сѣмовидѣти твое преподобіе, отвѣчаетъ Кононъ и, припавъ къ ногамъ Капитона, говоритъ ему:

— Молю тя, честный отче, да пріимиши мя въ сожительство братіи твоей и сотвориши мя инока: на се бо пріидохъ.

— Чадо Кононе! — отвѣчалъ ему Капитонъ, — Богъ да исполнитъ желаніе твое, яко Самъ хощетъ, но понеже юнъ еси и не можешь здѣ трудовъ иночества понести, понеже и мѣсто сіе пусто есть и кромѣ всякаго утѣшенія. Но даю ти совѣтъ благъ: да идеши въ Корниліевъ-мо-

настырь комельскаго, и тамо тя пріимутъ съ любовію и инокъ будеши и угодная Богу и себѣ полезная ко спасенію души своей устроиши...

Но Капитонъ все-таки прожилъ тутъ только два мѣсяца. Что заставило его оставить родную деревню—неизвѣстно (2); за то причиною оставленія новаго мѣста жительства послужила строгость постничества и общежитія Капитона съ братіею: самъ Капитонъ обложенъ былъ тяжелыми желѣзными веригами; томилъ себя постомъ и поклонами: ѣлъ въ два дни немного сухаго хлѣба и *сурово зеліе* по захожденіи солнца. Онъ мало спалъ и все время проводилъ то въ пѣніи псалтыря, то въ работахъ. Вмѣсто свитки носилъ *запонъ* по поясъ, плечи покрывалъ мантіею до пояса же, на ребрахъ не спалъ, но всегда сидя или стоя.... Того же требовалъ старецъ и отъ другихъ иноковъ.

---

(2) Авторъ житія въ этомъ случаѣ говоритъ, что у Корнилія былъ двоюродный братъ Михаилъ, который совѣтовалъ ему жениться, но что Кононъ «всегда любляше иноческое житіе и аще обрѣташе гдѣ какова либо инока, вопрошаше его о спасеніи души и како спастися возможно, и мысль свою открываше во еже иночествовати желаше».

И вотъ Конона уже у воротъ Корниліева-монастыря опрашиваетъ вратникъ: откуда, и зачѣмъ пришелъ онъ?—и ведетъ къ игумену.

Игуменъ назначаетъ Конону двухгодичный искусъ, и черезъ годъ постригаетъ его въ монахи съ именемъ Корнилія, отдаетъ его старцу Корнилію же именемъ, у котораго нашъ Корнилій живетъ 24 года. Вскорѣ по постриженіи онъ назначается въ пономарскую должность. Когда умеръ наставникъ—для Корнилія, съ благословенія игуменскаго, настаетъ время долгихъ и многихъ странствій. Онъ скитается изъ одного монастыря въ другой, включивши себя такимъ образомъ въ то огромное число странниковъ-шатуновъ, которые толпами ходили по монастырямъ въ то счастливое, безпечальное время.

Былъ онъ въ Кирилловомъ и Сергіевомъ монастыряхъ, дошелъ до Москвы: былъ у Спаса на Новомъ, жилъ въ Симоновѣ, въ 7120 (1612) г., при царѣ Михаилѣ, въ то время когда находился въ Москвѣ прибывшій изъ Іерусалима патріархъ

Θеофанъ ([3]). Изъ Симонова Корнилій перешелъ жить въ Чудовъ монастырь, и затѣмъ опять въ Сергіевъ. «Піянства же и празднословія гнушаяся отъ дѣтства и до кончины житія своего весьма сего сохраняяся», знаменательно прибавляетъ авторъ. Предлагали Корнилію санъ священника: онъ отказывался, но два года затѣмъ пекъ у патріарха Іосифа хлѣбы. Искусство его въ этомъ родѣ дошло до того, что когда онъ очутился въ Новгородѣ, тамошній митрополитъ Афоній велѣлъ ему печь для себя по семи хлѣбовъ ежедневно. При немъ умеръ Афоній, и когда Корнилій пришелъ во второй разъ въ Новгородъ, на мѣстѣ Афонія былъ уже Никонъ, будущій злѣйшій врагъ Корнилія, но теперь ласкавшій его и любимый имъ.

— Что ты вѣдаешь, Корнилій? Никонъ-ми-

([3]) Въ этомъ мѣстѣ авторъ житія, инокъ Пахомій, прибавляетъ отъ себя слѣдующее: «азъ окаянный и многогрѣшный отъ десницы его благословенія сподобихся пріяти — и своима очима извѣстно и достойно видѣхъ, яко весьма благолѣпно и христоподражательно двѣма персты люди благословляше и самого ся знаменоваше».

трополитъ — антихристъ!—говорилъ ему разъ какой-то Пименъ черной дьяконъ, пришедшій изъ Соловецкаго монастыря ([4]).

— Бѣснуешися, тако глаголеши! отвѣчалъ ему Корнилій.

— Идемъ и посмотримъ, како людей благословляетъ; и видѣхомъ извѣстно, яко по новому, а не тако, яко же прежніе святители благословляли!—говорилъ между тѣмъ Пименъ.

Корнилій, удостовѣрившись въ показаніи дьякона, пересталъ ходить подъ благословеніе митрополита. Никонъ замѣтилъ это:

— Корнильюшко, чесо ради ко благословенію не ходиши?

Корнилій промолчалъ.

— Хощеши ли убо сотворю тя игумена въ Деревяницкой-монастырь?

Корнилій отказался, но вскорѣ уже говорилъ

([4]) Пименъ этотъ бѣжалъ впослѣдствіи изъ монастыря Соловецкаго, во время его осады, и поселился близъ города Олонца, въ такъ называемомъ Березовѣ-наволокѣ, и потомъ сожженъ въ 1677, августа 9-го, въ числѣ будто бы 1,200 человѣкъ (??!).

противъ Никона игумену Досиѳею. Досиѳей отвѣчалъ, что онъ и самъ видалъ, какъ невѣрно слагаетъ митрополитъ персты и дивится и не знаетъ что изъ того будетъ.

Корнилій между тѣмъ, мучимый непосѣдливостію, уходитъ снова въ Москву и здѣсь получаетъ отъ патріарха Іосифа приказаніе «при себѣ быти». Патріархъ вскорѣ даетъ ему службу въ Архангельскомъ-соборѣ «надсмотрѣніе надъ попами и дьяками ковать и смирять за нѣкоторыя вины». Но Корнилію и здѣсь не сидится: онъ переходитъ въ Чудовъ-монастырь и именно въ то время, когда пріѣзжаетъ въ Москву изъ Новгорода митрополитъ Никонъ.

Наступало время коренныхъ церковныхъ преобразованій. Являлись во множествѣ защитники и противники стараго порядка вещей. Ходило по городу много разныхъ слуховъ про Никона, слуховъ въ большей части случаевъ ему неблагопріятныхъ. Говорили, что близокъ антихристъ, и что антихристъ самъ Никонъ, въ исполненіе пророчества Апокалипсиса, гдѣ сказано, въ главѣ 13, что число человѣческо есть число ан-

тихристово (х҃ѯ҃ѕ) 666. Наступалъ ҂ах҃ѯ҃ѕ (1666) годъ. Явилась комета: ее приписали Никону. Разсказывались даже небылицы. Какой-то чудовскій старецъ Симеонъ толковалъ чудовскимъ монахамъ свое сонное видѣніе великаго, пестраго и страшнаго змія, который, обогнувшись около стѣнъ царскихъ палатъ, голову и хоботъ имѣлъ внутри палаты и шепталъ въ ухо царя. Въ эту ночь, какъ оказалась, Никонъ бесѣдовалъ съ Алексѣемъ. Тогда же говорили нѣкоторые старцы, пришедшіе изъ Соловецкаго-монастыря, что будто бы, когда еще Никонъ былъ инокомъ тамошняго Анзерскаго-скита и, во время обѣдни читалъ евангеліе, св. Елеазарій (основатель этаго скита) увидѣлъ, что около шеи Никона обвился черный, пестрый змѣй и концами своими лежалъ по его плечамъ. Прибавляли при этомъ, что Елеазарій сказалъ тогда же вслухъ всей братіи: «о братіе! аще кто сего старца убилъ бы, азъ грѣшный умолилъ бы за него Бога».

Другіе толковали, что когда былъ въ Москвѣ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ — собранъ былъ

соборъ о нѣкоторыхъ церковныхъ сектахъ, что на соборѣ этомъ засѣдалъ Филаретъ московскій, много митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, что каждый говорилъ полезное, и когда кончилась бесѣда, Ѳеофанъ сказалъ вслухъ всѣмъ слѣдующее: «воистину глаголю вамъ, отцы и братіе: нынѣ убо яко во всей поднебесной едино солнце сіяетъ, тако въ московскомъ государствѣ единъ православный и благочестивый царь, благочестіемъ и православною вѣрою просвящается и свѣтится. А когда будетъ у васъ въ Россіи царь съ первыя литеры, при томъ премѣнятся законы церковные и обычаи христіанскіе и будетъ гоненіе веліе и мучительство на церковь христову».

— И вотъ у насъ царь съ первыя литеры съ аза, и вотъ время, егда премѣнятся вся чины, и законы церковныя упразднятся, и новое послѣдованіе, и новый богъ будетъ, и гоненіе веліе на церковь Христову будетъ!—толковали между тѣмъ многіе *сказатели и изыскатели священнаго писанія*. Иванъ Насѣтка и дьякъ Ѳедоръ,

книжный справщикъ у патріарха Іосифа, были первыми противниками Никона ([5]).

([5]) Продолжаемъ далѣе разсказъ свой обо всѣхъ тѣхъ неблагопріятныхъ для Никона слухахъ, которые распространяли о патріархѣ враги его. Мы намѣрены посвятить этому предмету особую статью, но теперь упомянемъ только о крайне-нелѣпыхъ слухахъ, которые распространяли въ скитахъ уже позднѣе, когда Никонъ былъ въ опалѣ и подъ царскимъ гнѣвомъ. Какой-то Дмитрій съ Волги, откуда былъ и самъ Никонъ родомъ, разсказывалъ слѣдующее: «нѣкогда я поймалъ осетра и повезъ его къ Москвѣ въ даръ отцу патріарху Никону: другъ онъ мнѣ былъ и прежде. Патріархъ обрадовался мнѣ, благословилъ и велѣлъ быть неотступно при себѣ, въ палатѣ. Напоивъ меня питьями со удовольствіемъ, онъ велѣлъ мнѣ спать близъ себя, въ другой каморѣ. Проснувшись ночью, я, сквозь малую скважину въ двери, видѣлъ Никона въ большой палатѣ, отъ многихъ бѣсовъ почитаема. Они его любезно лобызали, посадили ня престолъ, вѣнчали какъ царя, кланялись ему и говорили:

— Во истину, любезный ты другъ есть и большій братъ нашъ, яко ты намъ поможе крестъ Маріина сына изгнати, низложити и преодолѣти. Точію се неладно сотвори: чесо ради прѣсна человѣка пустилъ еси къ себѣ спати? слышитъ бо вся наша дѣйства, иди и удави его, да не повѣсть сего.

Никонъ говорилъ имъ:

— Другъ ми есть достойный и сосѣдъ ближній, *упився, спитъ*.

Они опять:

— Иди, удави!

Вскорѣ за тѣмъ, въ 1657 году, умеръ патріархъ Іосифъ и на его мѣсто избранъ царскимъ

Никонъ въ отвѣтъ:

— Азъ шедъ, искушу его!

И придя ко мнѣ, началъ будить, но я притворился будто сплю. Тогда онъ началъ стрекать иглою пяты ногъ моихъ и я едва скрѣпился, но выговорилъ:

— Я другу моему, отцу Никону объявлю.

И опять началъ хрипать и спать. Никонъ ушелъ отъ меня и затѣмъ въ соборъ, а я пошелъ въ его ложницу и увидѣлъ у постели ступни чернаго бархата. Посмотрѣвъ внутрь ихъ, замѣтилъ стельки добраго сукна и, ощутивши въ нихъ что-то, подпоролъ. Тамъ въ одной стелькѣ былъ образъ пречистыя Богородицы, а въ другой — крестъ тричастный, изъ тонкаго серебра. Когда вернулся Никонъ и спрашивалъ меня, что я видѣлъ, я отвѣчалъ:

— Не помню, владыко святой, токмо пяты болятъ, опохмѣлиться хотятъ.

Никонъ началъ смѣяться, опохмѣлилъ меня довольно, благословилъ и отпустилъ съ миромъ».

Тотъ же разсказъ о стелькахъ повторилъ и нѣкто Кирикъ, (бывшій нѣкогда келейникомъ Никона въ Анзерскомъ скиту Соловецкаго-монастыря, также обласканный имъ и принятый въ патріархіи) съ тою только разницею, что башмаки были съ бархатными передами и на одной стелькѣ былъ крестъ, а въ другой воплощеніе пресвятыя Богородицы съ предвѣчнымъ младенцемъ. Ученикъ Никона, старецъ Андреянъ, нашелъ тоже самое въ сапогахъ патріарха и плелъ новую сказку: «азъ возненавидѣвъ его за то и *началъ ему пререкати во*

совѣтомъ и соборомъ Никонъ, который поспѣшилъ взять къ себѣ изъ заключенія, изъ Соловковъ, ссыльнаго старца Арсенія Суханова (6). Вдвоемъ они дѣятельно продолжали исправленіе, на пущее недовольство своихъ противниковъ. Къ числу послѣднихъ вскорѣ явно присталъ и Корнилій. Онъ разсказывалъ, что разъ, въ тонкомъ снѣ, увидѣвъ себя въ Успенскомъ соборѣ, примѣтилъ двухъ человѣкъ, споривших

всемъ келейномъ послушаніи; онъ многожды біяху мя за пререканіе и разъярився зѣло, и окова нозѣ желѣзы тяжкими и оловомъ заливъ и повелѣ заточити въ Палеострожской монастырь, на Онежско-озеро, въ немъ же святый Зосима бѣ постриженъ».

(6) «Извѣстнаго еретика, подобнаго себѣ ереси и вѣры арменскія, по объявленію духовному въ покаяніи его, яко трижды Христа отвергшагося, ради философскаго ученія», ругательно прибавляетъ авторъ житія, и затѣмъ продолжаетъ: «И нача казяти церковь Божію, еже есть всякое древнее апостольское и святоотеческое православное, содержащее извѣстное благочестіе отмѣтами и придавати новое и неизвъстное, еретическое: еже есть вмѣсто двуперстнаго знаменованія и благословенія, паче же самымъ Христомъ преданнаго, треми персты себе знаменовати, а пятію персты литерословно, малаксовою, проклятою раскорякою люди благословляти и всякая таинства совершати».

между собою: одинъ былъ благообразный, другой темнообразный. Благообразный имѣлъ въ рукахъ трисоставный крестъ и говорилъ:

— Сей есть истинный крестъ Христовъ.

Темнообразный держалъ крестъ двоечастный («крыжъ латинскій», по выраженію старообрядцевъ) и отвѣчалъ первому:

— Но сіе знаменіе нынѣ подобаетъ почитати, а не оное.

Долго спорили они: темнообразный одолѣлъ благообразнаго и оба ушли. Возставши отъ сна, Корнилій пошелъ въ Успенскій-соборъ, на праздникъ Благовѣщенія, и услышалъ тамъ споривщихъ. Одинъ говорилъ:

— Пой по новому.

Другой отвѣчалъ:

— Не поемъ по новому, но по старому, како научихомся, тако и поемъ, а по новому не поемъ, и не умѣемъ.

И опять говорилъ первый:

— Какъ нибудь пой, токмо не по старому, а по новому.

И долго потомъ они спорили, но одолѣли *новолюбцы.*

Когда въ тотъ же день розданы были просфоры съ четвероконечнымъ крестомъ, многія просфоры эти принесли на трапезу, показывали другъ другу съ ужасомъ, но не ѣли. Иные перестали ходить въ церковь и стали молиться въ своихъ кельяхъ, по одиночкѣ. Начали смѣлѣе и чаще толковать о значеніи ҂ѯѕ и о пришествіи антихриста.

Собранъ былъ соборъ; на немъ заявили себя главные поборники стараго православія, каковы: протопопъ соборный Аввакумъ Петровичъ, протопопъ Даніилъ, соборный священникъ Лазарь, соборный священникъ Никита, священноинокъ и схимникъ Капитонъ (великій), дьяконъ Ѳедоръ, старцы Авраамій и Исаія, архимандритъ Спиридонъ Потемкинъ и епископъ коломенскій Павелъ.

Начала разъигрываться та страшная драма, которая кончилась долгимъ стояніемъ Соловецкаго-монастыря и московскими мятежами.

Корнилій съ игуменомъ Досифеемъ разсчи-

талъ на лучшее и болѣе безопасное. Онъ убѣжалъ на Донъ и прожилъ тамъ три года. Вернувшись въ Москву, Досифей остался тутъ, а Корнилій пробрался въ Кирилловъ-монастырь, гдѣ, по словамъ житія его, «много благочестивыхъ иноковъ было. Изъ Кириллова же монастыря, продолжаетъ житіе, пріиде въ Нилову-пустыню, прилучися ему скорби не малой быти два года, яко быти ему уже къ смерти». Здѣсь онъ истощилъ все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить старцевъ держаться старины и ставилъ имъ въ примѣръ Гурія Хрипунова, который былъ поставленъ Никономъ въ архимандриты на Валдаѣ, и проживши тамъ годъ, умеръ безъ покаянія. «При смерти своея кричалъ и плакался горько, яко ужасатися и прочимъ отъ него, вопіяше: увы мнѣ прельстихся и погибохъ всячески! Скажите другу моему, отцу Корнилію, да помолитъ о мнѣ Бога». «Блюдитеся, прибавлялъ Корнилій при этомъ, дабы не пострадать такожде, яко же Гурій, да Григорій Нероновъ, маловременное житіе возлюбивше, въ новолюбной прелести прельщены быша и погибоша».

Въ Нилову-пустыню, на то время, когда еще жилъ тамъ Корнилій, явились изъ Москвы досмотрщики и, увидѣвъ, что тамъ вся церковная служба совершается по старопечатнымъ книгамъ, велѣли попу служить по новымъ. Попъ отказался и не сталъ служить. Велѣно было служить новому попу. Скитскіе старцы составили заговоръ съ цѣлію возбранить чужому служить по новымъ книгамъ и подговорили Корнилія, отправлявшаго по прежнему свою пономарскую должность, говоря ему:

— Егда новый попъ начнетъ служить по новому и покажи дерзновеніе, возбрани ему, а мы тебя не покинемъ.

Началась служба, новый попъ дѣлалъ свое дѣло, Корнилій сказалъ ему:

— Престани бредить.

— Пономарь! знай свое дѣло, не указывай намъ, отвѣтилъ священникъ.

До трехъ разъ затѣмъ начиналъ священникъ по новому, до трехъ разъ останавливалъ его Корнилій и наконецъ не выдержалъ, ударилъ попа по головѣ кадиломъ, съ разженными уго-

льями, и разбилъ голову до крови. Товарищи новоставленнаго попа вбѣжали въ алтарь, схватили Корнилія за волосы и, въ свою очередь, до крови разбили ему голову объ полъ. Началась общая драка и «бишеся до пролитія крове». Корнилій, воспользовавшись общею суматохою, убѣжалъ вмѣстѣ съ писателемъ своего житія, Пахоміемъ.

Послѣ многихъ и долгихъ странствій, пришли они въ Олонецкій-уѣздъ, въ Пудожскую-волость и поселились тамъ на рѣкѣ Водлѣ. Келья ихъ была самородная: съ трехъ сторонъ образовали ее гранитныя скалы, съ четвертой старцы прорубили дверь и окно; потолокъ и кровли сдѣлали деревянныя и сложили внутри печь, обнадеженные обѣщаніями сосѣднихъ жителей приносить хлѣбъ. Два года Корнилій жилъ здѣсь и уже думалъ идти въ Соловецкій-монастырь.

На то время пришелъ къ нему оттуда бѣглый старецъ Епифаній, вмѣстѣ съ которымъ онъ жилъ слишкомъ два года въ новой кельѣ, на Кяткозерѣ. Епифаній звалъ Корнилія въ Москву, но Корнилій отказался болѣзнію, а Епифаній

ушелъ. Впослѣдствіи, уже черезъ шесть лѣтъ, Корнилій услышалъ отъ бывшаго иподьякона Никонова, средней станицы, именемъ Ѳедора, о томъ, что Епифаній подавалъ царю челобитную и съ отрубленнымъ языкомъ отправленъ въ ссылку на Печору, въ Пустозерскій-острогъ, гдѣ и сожженъ въ срубѣ, вмѣстѣ съ Аввакумомъ, Лазаремъ и Ѳедоромъ. Иподьяконъ этотъ жилъ съ Корниліемъ полтора года, но ушелъ въ Москву, гдѣ постигла его та же печальная участь, какъ и Епифанія.

Узнавши о смерти Ѳедора (въ инокахъ Филиппа), Корнилій переселяется за шесть верстъ отъ прежняго скита своего на Нигозерѣ, гдѣ строитъ келью и небольшую часовню, во имя св. Николы. Отсюда онъ часто ходитъ для бесѣдъ въ Куржинскую-пустынь, гдѣ на то время живетъ его другъ и товарищъ Досифей. Но страсть къ перемѣнѣ мѣстъ влечетъ его далѣе на Водлозеро. На Бѣломъ-острову этого озера, онъ находитъ часовню, построенную до него Прокофіемъ, строитъ себѣ келью и живетъ съ тремя старцами спокойно: «попъ водлозерскій

Павелъ поберегалъ ихъ, хотя въ то время вездѣ гоненіе было веліе». Провѣдалъ, однако, про Корнилія поповскій староста Семенъ Кижскій и рѣшился поймать его. Корнилій, предувѣдомленный сосѣдями, бѣжитъ оттуда на Немозеро. Но здѣсь встрѣчаетъ ту же неудачу: вытегорскій попъ Ассонъ посылаетъ поймать его. Посланный, однако, самого Корнилія не взялъ, а отнялъ у него все, что было и что нашелъ. Корнилій переселяется на Снигозеро и отсюда часто уходитъ въ Каргополь, или отъ страха преслѣдователей, или ради собственныхъ нуждъ. «Въ Каргополи же въ то время много добрыхъ людей было вѣрныхъ и рачителей благочестія: Исаковы и Кушниковы, и поберегли нашу братію».

Слухъ о покровительствѣ раскола въ Каргополѣ дошелъ до Москвы. Въ Каргополь посланы были два монаха: Ѳилофей и Сергій, для увѣщанія непокорныхъ (7). Корнилій держалъ съ ними

(7) Сергій, производя потомъ дальнѣйшее слѣдствіе надъ раскольниками и проѣзжая изъ Кожеезерскаго-монастыря, свалился съ лошади и умеръ, разбитый копытами ея въ голову,—какъ свидѣтельствуетъ далѣе тотъ же Пахомій.

споръ. «Далъ бо ему Богъ свободенъ языкъ ко глаголанію о вѣрѣ».

— Молчи! говорили ему посланные, хотя наша неправа вѣра, да быть тому времени такъ.

«Оскорбить же злобно ничѣмъ не смѣли, понеже обороняли и защищали его посадскіе, да игуменъ въ Каргополи же, Спасова-монастыря, Евфимій (любилъ же старо-благочестіе и служилъ по старому все). У него же, Евфимія, крыяхуся соловецкіе старцы Игнатій да Германъ, иже въ Палѣостровѣ сожжены быша (да старецъ Іосифъ сожженъ въ Пудоги) и иныхъ, человѣкъ съ восемь, все жили у Евфимія игумена, въ поварной келіи не мало время пребыша».

«Послѣди же того не задолго (продолжаетъ далѣе Пахомій) пострадалъ въ Каргополи Андрей Семиголовъ, да другой Андрей съ братомъ; много часовъ на мразѣ стояли и не прикоснулся мразъ ихъ: вся претерпѣша Божіею помощію, по многихъ иныхъ мукахъ, огнемъ сожжены быша. Да и Афанасей кузнецъ, съ Озерецъ, пострадалъ на Чаранды: въ трехъ застѣнкахъ былъ битъ, потомъ клещами ребра ломали и пупъ тя-

нули, потомъ въ зимнее время, въ нестерпимые мразы, обнаженъ стояше и студеную воду со льдомъ на главу поливаху на многіе часы, донележе отъ брады его до земли соски смерзли, аки поросшіе, послѣди же огнемъ сожженъ бысть; тако скончася».

«Сіи вси мученицы отъ отца Корнилія научены быша правовѣрію».

Самъ же Корнилій, вѣроятно, боясь сильнѣйшихъ преслѣдованій — съ этого времени начинаетъ замѣтно чаще перемѣнять мѣста жительства: ограбленный, но пощаженный, онъ оставилъ Немозоро и поселился на Мангозерѣ, но и здѣсь жилъ не долго. Построивъ въ полуверстѣ отъ Гавушезера въ лѣсу келію, перешелъ туда. «Послѣ той кельи, продолжаетъ житіе, жили взабѣги недѣль шесть у Нудьи въ великіе мразы и много нужды претерпѣша отъ гонителей; Корнилій же крѣпляше братію». Въ это время Корнилій принялъ на себя право постриженія: еще на Мангозерѣ постригъ онъ какого-то Серапіона, и потомъ, у Гавушезера, какого-то Варлаама. Сюда, къ Гавушезеру, пришелъ къ нему нѣкто Сергій,

прося его переселиться къ нему, на Выгъ-рѣку, на устье рѣки Лексы. Корнилій послушался, но не ужился съ Сергіемъ и опять искалъ новаго мѣста и нашелъ его повыше устья рѣки Лексы, по рѣкѣ Выгу, у порога. Сергій съ Евтихіемъ помогали ему строить келію, но вёшняя вода заставила его перенести эту келью насупротивъ, по другую сторону рѣки. Здѣсь-то наконецъ, кончилось его скитальчески-бродяжничья жизнь, полная какихъ-то тревожныхъ передвиженій, истекавшихъ и отъ исключительности его положенія среди исповѣдниковъ исправленнаго ученія и отъ какой-то болѣзненной страсти дѣлать частыя и дальныя переселенья. «Здѣсь, говоритъ его другъ и ученикъ, и покой жизни своея воспріялъ есть, идѣже и нынѣ келія его видѣти есть.

«Се покой мой въ вѣкъ вѣка—говорилъ Корнилій братіи. Здѣ вселися, яко тако Богъ изволи».

«И прирече: послѣднюю келію Корнилій строитъ. Благословилъ же и другихъ двѣ келіи ставить. И жили лѣтъ съ восемь».

Изъ дальнѣйшихъ судебъ его Пахомій разска-

зываетъ еще многое. Изъ товарищей Корнилія, особенно указываетъ онъ на одного аскетика, явившагося къ Корнилію лѣтъ черезъ пять. Старца этого звали Виталіемъ. Виталій этотъ, «имѣя птичее житіе», любилъ ходить отъ келіи до келіи. Если кто давалъ ему пищи—онъ принималъ ее, если кто не звалъ его два или три дня къ трапезѣ — онъ не просилъ; и все время упорно молчалъ, такъ что нѣкоторые считали его даже нѣмымъ отъ рожденья. Если слышалъ про тѣхъ, которые не хорошо живутъ или сквернословятъ, отвѣчалъ всѣмъ и всегда одно: «то дѣло не наше, не къ намъ пришло; тогда надобно внимать, какъ къ намъ придетъ». Для сна и молитвы любилъ выбирать какой нибудь чуланъ или укромное мѣсто; псалтырь читалъ про себя; все свое носилъ въ кошелѣ: при себѣ *оставить было нечего*. Однажды Пахомій спросилъ про Виталія у Корнилія: кто онъ и откуда?

— Виталій родомъ изъ-за Москвы, былъ нѣкогда знатнымъ бояриномъ, и у прежнихъ царей на службѣ въ великой чести и славѣ. Имѣлъ нѣсколько ранъ и былъ славный поединщикъ и

храбрый воинъ. Оставивъ міръ и славу его, поселился въ монастырѣ на рѣкѣ Сунѣ, у старца Кирилла. Бѣгая на Сунѣ отъ людей, ознобилъ онъ себѣ ноги такъ, что у него отвалились пальцы на обѣихъ ногахъ.

На рѣкѣ Выгѣ жилъ Виталій потомъ два года и умеръ въ лѣсу, по правую сторону рѣки, въ четырехъ верстахъ ниже Данилова (Даніила Викулова) общежительства.

Изъ послѣдующихъ событій, случившихся на рѣкѣ Выгѣ, Пахомій указываетъ на голодъ, когда позябъ хлѣбъ и всякая овощь. Голодъ и его послѣдствія продолжались круглый годъ.

Продолжая житіе Корнилія, Пахомій сообщаетъ далѣе все то, что разсказывалъ ему самъ Корнилій, но безъ всякаго логическаго порядка и, вѣроятно, по мѣрѣ того, какъ ему все это разсказывалось самому.

Нѣкогда—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ — когда Корнилій былъ еще въ Москвѣ, и когда всѣ противники Никона (въ числѣ 10-ти человѣкъ) ([8]), собрались въ домѣ одного боярина,

---

([8]) Совѣтъ этотъ составляли: архимандритъ покровскій

«потаеннаго христіянина, обаче боголюбца, крыющагося гоненія ради» для совѣта, положено было: всего нововведеннаго отложиться и все это предать клятвамъ и анафемамъ («тяжко порицательно устроивша соборъ»); «Никоніанское нынѣшнее крещеніе за крещеніе не вмѣнять, а если не случится іерея прежняго посвященія, то по нуждѣ дозволить совершеніе обряда крещенія простолюдину (на основаніи наставленій св. Никифора патріарха, Иринея, блаженнаго Августина и номоканона).

Разъ, когда Корнилій былъ не подалеку отъ того мѣста за Москвою, гдѣ простолюдинъ крестилъ татарина и отдыхалъ передъ огнемъ въ лѣсу одинъ и пѣлъ повечеріе, явились 35 человѣкъ разбойниковъ. «Осмотрѣвши въ кошелѣ моемъ (разсказывалъ Корнилій) и видѣвши небольшія нужныя мнѣ книги и случившіяся тутъ повѣсти о спасшихся разбойникахъ, а денегъ только десять алтынъ, атаманъ велѣлъ мнѣ чи-

«отъ убогихъ» Спиридонъ, соборные протопопы Аввакумъ и Даніилъ, игумны: Досиѳей и Капитонъ, священникъ Лазарь, дьяконъ Ѳеодоръ, монахи: Авраамій, Исаія и Корнилій.

тать книги. Читалъ я имъ всю ночь; атаманъ слушалъ внимательно и наконецъ прослезился, примолвивъ: «отъ сего дня перестану я разбойничать, а ты, отче, ступай съ миромъ и не бойся». И далъ мнѣ еще сверхъ того милостыню, примолвивъ: «блаженны вы есте».

«Другой разъ, разсказывалъ Корнилій, случилось мнѣ заночевать у одной вдовы, красивой лицомъ и не старой возрастомъ. Она пустила меня, но сказала: «хотя пущу ночевать, да спать тебѣ со мною». Я рѣшился ночевать за крайней непогодою: дулъ сильный вѣтеръ со снѣгомъ. Легъ я на мѣсто и уснулъ, хозяйка пришла и легла ко мнѣ, понуждая на дѣло блудное. Я отсылалъ ее отъ себя и поучалъ о спасеніи души ея и едва успѣлъ уговорить ее, увѣривъ что «крѣпости плотскія на это дѣло не имамъ. Тогда бо ми еще средовѣчіе имѣвшу, и яко во огни въ страсти сея горящу».

Изъ послѣдующаго разсказа о жизни Корнилія видно, что онъ послѣдніе годы своей жизни посвятилъ исключительно догматическимъ бесѣдамъ съ окрестными крестьянами: училъ ихъ

и уговаривалъ иночествовать, «дѣвственное и цѣломудренное, *безженное* и постническое житіе проходити»; *иныхъ училъ грамотѣ, желающихъ постригалъ*; другихъ «покрещиваше» (т. е. *перекрещивалъ*). Когда слышалъ о тѣхъ, которые сообщались съ *никоніанами* въ моленіи, пищѣ или питьѣ, то не совѣтовалъ своимъ ученикамъ имѣть съ ними общеніе до тѣхъ поръ, пока не придутъ въ раскаяніе и не покаятся. «Егда же кого наказоваше, — противу страсти цѣльбу приношаше: горделивыхъ страша — отпаденіе сатаны отъ Бога; сластолюбивымъ — Еввино лакомство; сребролюбивымъ — Іюдино отпаденіе Владыки Христа; аще ли отъ добраго житія ослабѣвающимъ — Лотову жену привождаше; блудно живущимъ — содомское гореніе воспоминая. И просто рещи, аще и книгъ мало имѣя, но самъ весь книга бяше. Время проводилъ въ молитвѣ и трудахъ. Самъ рубилъ лѣсъ и когда друзья его говорили ему: «можно того дѣла и миновать» — онъ отвѣчалъ: «писано есть: праздный да не ястъ, и проклятъ есть тунеядецъ». Ѣлъ скудно, по большей части постное, либо

рубленную рѣпу съ солью и квасомъ; рыбу позволялъ себѣ только въ указные дни и во время странствій (далѣе въ житіи слѣдуетъ порядокъ его молитвъ, по часослову).

Сюда же на Выгъ-рѣку пришелъ къ нему изъ сосѣдняго Тòлвуйскаго-погоста (за 12 верстъ отъ его келіи), человѣкъ, именемъ Захарій, съ двумя еще молодыми племянницами. Корнилій крестилъ ихъ и за тѣмъ часто навѣщалъ Захарія. Съ той поры Захарій сдѣлался извѣстенъ всему окрестному люду, какъ наставникъ и просвѣтитель. Къ нему стали многіе являться за совѣтомъ и крещеніемъ. Умножившееся число скитниковъ побудило Захарія построить часовню Богоявленія.

За тѣмъ главнымъ попеченіемъ Корнилія было учрежденіе общежитія. Не одобряя особьяденія и пьянства, онъ совѣтовалъ имѣть всѣмъ и все общее, обѣщая, что «они тогда пшенный хлѣбъ за ржаной не воспріимутъ, и ржаной за ячменной не вознегодуютъ; мѣсто же распространится и прославится во всѣхъ концѣхъ. По умноженіи же поселятся съ матушками, и съ

дѣтками, и съ коровушками, и съ люлечками».

Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ созвалъ братію: Даніила назначилъ вмѣсто себя отцомъ и наставникомъ; Андрею приказалъ быть судьею и правителемъ общежительства. Всѣ они, и старецъ Сергій, пришли на ту пору изъ своихъ скитовъ нарочно и говорили:

— Оставляеши насъ, отче, сирыхъ въ сіе многомятежное и плача достойное время.

— Миръ Божій и благословеніе его на вѣки буди со всѣми вами!—отвѣчалъ имъ на это Корнилій, по свидѣтельству его біографа Пахомія.

И потомъ продолжалъ:

— Стойте въ преданномъ вамъ благочестіи, яко же пріяли есте и научистеся, тако и содержите—да возданіе благъ будущихъ не отпадете, иже уготова Богъ любящимъ его и хранящимъ законы его.

И опять говорилъ:

— Мирны будите и любовны ко всѣмъ человѣкомъ: кромѣ сея, никто же узритъ Бога.

И снова прибавилъ:

— Постойте въ преданномъ вамъ законѣ и пребудите непреложны; новыхъ еретическихъ преданій и ученій удаляйтеся, и никако не сообщайтеся имъ.

И заключилъ такъ:

— Испытайте паче всего учащее писаніе по апостолу, яко вы въ нихъ имате животъ вѣчный, и проч.

Наконецъ заключаетъ свое сказаніе Пахомій по обыкновенію всѣхъ слѣдующимъ образомъ:

«Пріимше же прощеніе и благословеніе, отъидоша: Даніило и Андрей съ братіею во общежительство, Сергій же въ келію свою. По десяти же дней въ болѣзни тоя, преставися съ міромъ въ вѣчное блаженство, добро теченіе скончавъ, вѣру соблюдъ непорочну и неущерблену; прочее по апостолу соблюдаетмися вѣнецъ правды, его же воздастъ ми Господь въ день онъ, не точію мнѣ, но и всѣмъ возлюбльшимъ его. Преставися же отецъ Корнилій, во глубочайшей старости, сый 125 лѣтъ, лѣта 7203 (1695), марта 30, въ великій постъ, на страстной не-

дѣлѣ. Въ чемъ слава совершителю Христу Богу нашему во вся вѣки, аминь».

Обязавши себя исключительно внимательнымъ и подробнымъ разборомъ предлагаемаго житія, мы имѣли въ виду представить — между прочимъ — и образчикъ сочиненія всѣхъ подобнаго рода повѣстей о житіи первыхъ поборниковъ и наставниковъ въ старообрядствѣ. Сдѣлали мы это какъ для того, чтобы уже въ другой разъ къ нимъ не возращаться, такъ въ особенности и по той положительной причинѣ, чтобы оконченнѣе и подробнѣе могъ выясниться этотъ образъ полуграмотнаго, не высокаго чиномъ и званіемъ раскольничьяго учителя, случайно ставшаго въ ряду такихъ сильныхъ эрудицій, съ крѣпкою силою воли и удивительнымъ постоянствомъ, каковы протопопъ Аввакумъ, епископъ коломенскій Павелъ, Андрей Денисовъ Поморянинъ и другіе многіе. Во всякомъ случаѣ, пономарю Корнилію принадлежитъ не малая честь и великое право называться однимъ изъ первыхъ основателей общежитій въ томъ углу Россіи, гдѣ протекала порожистая, лѣсная рѣка

*

Выгъ. Скиты по рѣкѣ этой, сильные матеріяльными средствами, богатые людьми съ крѣпкой волей и характерами, впослѣдствіи занимали одно изъ главнѣйшихъ мѣстъ въ ряду другихъ раскольничьихъ заселеній по Россіи. Отсюда шли и идутъ до сихъ поръ тѣ рукописные сборники, которые, со времени ослабленія львовской (лембергской) типографіи, служатъ замѣною печатныхъ книгъ и великимъ подспорьемъ къ утвержденію и скрѣпленію плотныхъ узъ старообрядскихъ толковъ и раскольничьяго братства. Сюда, въ выгорѣцкіе скиты, бѣжалъ и находилъ радушный пріютъ весь людъ, преслѣдуемый законами и правительствомъ: и бѣглый арестантъ изъ Сибири, и разбойникъ, и казнокрадъ изъ тюрьмы, и не терпимый за крайнія беззаконія монастырскій служка, пьяные бѣлый и черный попъ, и проч. Сюда, въ выгорѣцкіе скиты, перешла большая часть тѣхъ несмѣтныхъ богатствъ, которыя некуда было дѣвать, расторговавшимся купцамъ людныхъ и торговыхъ русскихъ городовъ. Здѣсь, въ выгорѣцкихъ скитахъ, корень и начало всѣхъ тѣхъ стран-

ныхъ сектъ, которыя не въ рѣдкость по весьма многимъ мѣстамъ Россіи: здѣсь были морельщики, самосжигатели, хлысты, скопцы, дѣтоубійцы, и прочіе изувѣры. Отсюда, изъ выгорѣцкихъ скитовъ, вышли огромныя толпы проповѣдниковъ, которые разбрелись потомъ во множествѣ по всей Россіи, ближней и дальней. Отъ этихъ наконецъ выгорѣцкихъ скитовъ, въ самое короткое время распространился расколъ, который успѣлъ охватить весь огромный сѣверъ Россіи, начиная государственною границею нашею съ Швеціею и оканчивая дальними предѣлами Сибири съ Китаемъ и сибирскими инородческими племенами. Но обо всемъ этомъ по частямъ и подробно мы предполагаемъ говорить въ отдѣльныхъ статьяхъ далѣе. На первыхъ порахъ полагаемъ достаточнымъ познакомить съ этимъ Корниліемъ. Не громко велъ онъ свои дѣла, но въ тишинѣ дѣлалъ большое дѣло и во всякомъ случаѣ высоко чтимъ роскольниками, которые до сихъ поръ съ великимъ наслажденіемъ читаютъ повѣсть о его житіи, предлагаемую теперь нами.

Въ концѣ ея написано слѣдующее:

«Сію же повѣсть и житіе писалъ, изъ самыхъ устъ отца Корнилія слышащи, сожитель его инокъ Пахомій, живый на Выгу рѣцѣ. Отъ него же и постриженъ бысть во иночество 12 лѣтъ. И еже слышахъ, тако и написахъ отъ истины въ пользу слушающимъ и чтущимъ душамъ и въ наслажденіе живота вѣчнаго».

Перейдемъ теперь по порядку къ перечисленію и подробностямъ всѣхъ тѣхъ обвиненій, которыя возлагали на Никона его противники. Всѣ они собраны въ одну книгу, случайно попавшуюся намъ въ руки (на рѣкѣ Печорѣ, въ слободѣ Пустозерскѣ), которой мы и будемъ слѣдовать.

II.

ПАТРІАРХЪ НИКОНЪ.

«Понеже убо по древлецерковнѣмъ, отеческомъ благочестіи аще и горячею жалостію снѣдаемь есмь и рачуся приступити къ повѣсти о бывшемъ искоренителѣ того православія сказати хотящей. Но къ лютости того томителя взирая, боюся бесѣдою моею съ коварными его умышленіями сплестися, ибо той единъ, злобою своею и коварствомъ, преодолѣ всю Россію, яко преимущія сладко-увѣщательными бесѣдами лестію помазанными, тако вельможныя высокихъ честей и даровъ награжденіями. Сице ничтожныя грозами и муками утомивъ, побѣди и подобнымъ себѣ новолюбителемъ на вся хранители свято-отеческихъ законовъ и обычаевъ врата хулы и

томленія отверзе. И что сотворити—не вѣмъ: молчаніемъ ли желаемую многими слышати повѣсть покрыти, или преданную намъ отъ отецъ нашихъ бесѣду предъ очима чтущихъ и предъ ушима слышащихъ поставити, обаче убо надѣяся на молитвы пострадавшихъ за благочестіе ревнителей, начинаю слово путемъ повѣсти текущее».

Такимъ витіеватымъ приступомъ начинаетъ Андрей Поморянинъ Денисовъ, сильно искусившійся въ реторическихъ тропахъ и фигурахъ, свою: *Повѣсть о рожденіи, и воспитаніи, и о житіи и кончинѣ Никона, бывшаго патріарха московскаго и всея Россіи, собранныя отъ многихъ достовѣрныхъ повѣствователей, бывшихъ во дни отецъ нашихъ.*

Но на сколько хитроплетенъ приступъ, на столько же просто и безхитростно все дальнѣйшее теченіе повѣствованія. Сухо и кратко излагаетъ онъ всѣ извѣстныя ему событія въ жизни Никона и въ этой краткости можно уже отчасти видѣть правдивость его словъ, по крайней мѣрѣ на столько, сколько позволяли ему разсказы

противниковъ патріарха. Невоздерженъ онъ и впадаетъ въ паѳосъ (большею частію браннаго характера) въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дѣло касалось исповѣданія и дѣлъ церковныхъ. Измѣняя общему плавному теченію рѣчи своей, онъ и тутъ остается вѣренъ себѣ по крайней мѣрѣ на столько же, сколько позволяли ему давній навыкъ и долгое умѣнье обращаться съ перомъ и бумагою. Андрей Денисовъ, какъ извѣстно, одинъ изъ плодовитѣйшихъ раскольничьихъ писателей. У него нѣтъ той глубины пониманія и той громадной начитанности, которая сквозитъ изъ каждой строки другаго плодовитаго раскольничьяго писателя — протопопа Аввакума, но за то по всюду та же смѣлость въ выводахъ, та же рѣзкость и невоздержность въ бранныхъ выраженіяхъ. Нѣсколько спокойнѣе и замѣтно умѣреннѣе стали позднѣйшіе старообрядцы-писатели — и понятно: у первыхъ, помимо противоборства ихъ убѣжденіямъ, противоборства сильнаго, поддерживаемаго правительствомъ и одержавшаго побѣду, примѣшивалось сверхъ того оскорбленное до глубины души чувство само-

любія, — самолюбія, которое только и могло высказаться безсильною, хотя и крутою бранью. Мы беремъ на себя трудъ положить, впослѣдствіи, разницу между тѣмъ и другимъ раскольничьимъ писателемъ, между Андреемъ и Аввакумомъ, но теперь переходимъ прямо къ разбору сочиненія перваго, именно къ его повѣсти о патріархѣ Никонѣ.

Никонъ — по словамъ этой біографіи родился 1613 года, мая 21, во вторникъ, въ предѣлахъ Нижняго-Новгорода, въ селѣ Вельдемановѣ (или Курмышовѣ), отъ бѣдныхъ родителей: отца Мины, матери Маріаміи и названъ былъ при крещеніи Никитою.

По смерти матери, взяла его къ себѣ какая-то Ксенія, которая воспитала его и научила («извыче») грамотѣ.

Чрезъ нѣкоторое время, онъ ушелъ въ монастырь Макарія-Желтоводскаго и, живши тамъ, сдружился съ монастырскими служками (климиками). Разъ шелъ онъ съ ними въ другой монастырь «прогулу ради», и случилось имъ заночевать у какого-то татарина, ремесломъ колду-

на, умѣвшаго предсказывать каждому будущее. «Волхвуя скверною своею бѣсовскою книгою и палицею», татаринъ предсказалъ Никитѣ быть государемъ великимъ. Никита ушелъ, не повѣривъ словамъ татарина.

По смерти отца, взялъ онъ къ себѣ жену «яже бѣ піянчива и оплазива». Съ нею жилъ онъ въ какомъ-то селѣ священникомъ, по избранію жителей, «но для непостоянства своея жены, бѣжалъ въ Москву и на нѣкоемъ монастырскомъ подворьѣ, отъ нѣкоего скитающагося инока, пострижеся и преименованъ бысть Никонъ» (9).

«И тако скитаяся, пріиде на островъ Анзерской-пустыни, иже стоитъ на Бѣломъ морѣ, близъ отока Соловецкаго, и тамо пребываша во ученичествѣ у начальника тоя обители, старца богодухновенна и свята, именемъ Елеазара, иже согради скитъ той и жительство въ немъ состави» (10).

---

(9) Несправедливо. Никонъ постригся на Анзерахъ. Жену, по свидѣтельству Ивана Шушерина, уговорилъ идти въ московскій Алексѣевскій-монастырь. Жили они вдвоемъ десять лѣтъ и имѣли троихъ дѣтей, которыя всѣ умерли.

(10) «Келія отъ келіи на два поприща отстояше и по еди-

Слѣдуетъ пророченіе Елеазара, приведенное нами въ предъидущей статьѣ, и затѣмъ кратко послѣдующія событія изъ жизни Никона.

Никонъ черезъ три года оставляетъ Анзерскій-скитъ, по ненависти къ нему Елеазара и поселяется въ Каргопольскомъ-уѣздѣ, въ Кожеозерской-пустынѣ ([11]). Здѣсь живетъ онъ три года, и имѣя случай, ради монастырскихъ потребъ, бывать въ Москвѣ, дѣлается тамъ извѣстенъ самому царю Алексѣю Михайловичу и святѣйшему патріарху Іосифу. *Но чрезъ какія представленія*? автору *не вѣдомо*. Въ Москвѣ дѣлаютъ его архимандритомъ въ Спасовъ-монастырь на Новое ([12]). Царь поручаетъ ему

ному брату въ келіи живяху; всѣхъ же бяше братіи точію дванадесятъ»—свидѣтельствуетъ Шушеринъ.

([11]) Бѣжитъ онъ, по словамъ Шушерина, съ другимъ монахомъ, въ маломъ карбасѣ. На морѣ была буря, странники едва не потонули, но пристали къ острову Кію, гдѣ Никонъ поставилъ крестъ, по обычаю всѣхъ мѣстныхъ жителей. Братія Кожеезерской-пустыни упросила его пойти въ Новгородъ. Здѣсь митрополитъ Аѳоній посвятилъ его въ игумны той же пустыни. (Обстоятельство, старообрядцами пропущенное).

([12]) «И тако возлюби его царь, еще прибавляетъ Шушеринъ, яко повелѣ ему пріѣзжати по вся пятки къ нему, государю, въ верхъ, къ утрени».

каждую пятницу подавать прошенія *отъ обиженныхъ къ его царскому величеству, и сіе исполняя, прославися предъ народомъ, яко истинный пастырь и отецъ обидимымъ.*

«Дивитися же и сему достойно, (продолжаетъ затѣмъ Андрей) како таковый скверный сосудъ на толь высокія степени восходити начинаше. Понеже убо и первіе не святый прозорливый мужъ, но волхвъ-татаринъ, сѣдящимъ въ немъ пытливымъ діавольскимъ духомъ надхненъ, нареклъ его быти великимъ государемъ. Потомъ преподобный Елеазаръ анзерскій, въ служеніи литоргіи, не голубя на немъ сѣдяща видѣ, яко же древле Флавіанъ патріархъ на Іоанновѣ главѣ Златоустаго, но змія черна, страшна и велика, около выи его обвившяся. Хотящія ли впредь быти добродѣтели его, къ таковому великому его сану ждущія, но богоотступная его святыхъ образовъ Спасова и Пречистыя Богородицы скверными его ногами попранія и проч.».

Между тѣмъ оставляетъ новгородскій митрополичій престолъ Афонія за старостію лѣтъ, безпамятствомъ и слѣпотою, и живетъ въ Спас-

скомъ-монастырѣ на Хутынѣ. Въ 1639 году на его мѣсто назначается Никонъ ([13]), который спѣшитъ, вскорѣ по принятіи престола, навѣстить покоившагося на Хутынѣ Афонію: пришедъ въ келію, просилъ благословенія.

— Кто ты и откуда, и како нарицаешися? спросилъ Афонія (ибо глазами уже не видѣлъ онъ въ то время).

— Азъ есмь владыко Никонъ, митрополитъ новгородскій.

Вздохнулъ Афонія «вельми отъ всея души» и сказалъ:

— Пріиде же время, яко и Никонъ въ митрополитахъ ([14]).

И потомъ прибавилъ:

— Но воли Божіей оставляемъ о насъ полезная предусмотряти.

Когда Афоній былъ близокъ къ концу, то

([13]) При описаніи этого событія, авторъ разразился такою бранью, которой не мѣсто въ печати.

([14]) Шушеринъ иначе разсказываетъ это событіе: когда Никонъ просилъ благословенія Афонія, слѣпой митрополитъ, назвавши Никона патріархомъ, самъ просилъ его благословенія.

онъ заповѣдалъ близкимъ своимъ призвать другаго архіерея, изъ другой епархіи, для погребенія тѣла его, а не Никона, примолвивъ:

— Зане Никонъ врагъ есть Божій.

Такъ утверждалъ знакомый уже намъ Корнилій, который, какъ извѣстно, перешелъ изъ келейниковъ умершаго Афонія въ келейники къ Никону.

«Никонъ же сѣдя на престолѣ премудрости Божія (продолжаетъ житіе) — и первѣе повелѣ написати образъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, имѣющу въ нѣдрахъ младенца всего совершенна. Тако же и раздѣленно-рѣчное древнее знаменное пѣніе презирати нача, вмѣсто же того повелѣваше пѣти нарѣчное и потомъ не убояся вводити греческое и кіевское партесное многоусугубляемое пѣніе. Еже слышавъ святѣйшій Іосифъ патріархъ, воспрещаше ему о томъ. Обаче Никонъ помогаемъ бываетъ самодержцемъ и духовникомъ его Благовѣщенскаго-собора протопопомъ Стефаномъ Вонифантіевымъ, и того ради не повиновашеся патріарху» ([15]).

([15]) Царь Алексѣй Михайловичъ, говоритъ Шушеринъ, по

Въ 1647 Никонъ съ княземъ Иваномъ Никтичемъ Хованскимъ ѣдетъ въ Соловецкій-монастырь за мощами св. митрополита Филиппа ([16]). Посѣщая темницы тамошныя, Никонъ входитъ въ тотъ казаматъ, гдѣ заключенъ былъ монахъ Арсеній Сухановъ, сосланный сюда патріархомъ Іосифомъ. Арсеній привѣтствуетъ Никона такими словами:

— Святѣйшій патріархъ Никонъ, благослови.

совѣту духовника своего, Стефана Вонифантьева, самъ завелъ у себя тоже греческое и кіевское пѣніе. Изъ времени пребыванія Никона въ Новгородѣ, старообрядцы опускаютъ еще одно весьма важное обстоятельство, которымъ тотъ же Шушеринъ дополняетъ свое сказаніе. Никонъ велѣлъ приставнику своему Василію Вавилѣ, въ погребной палатѣ своей, кормить каждый день по 100, по 200 или 300 нищихъ. Этотъ Василій Вавила (ходившій босымъ, лѣтомъ и зимою) осматривалъ у нищихъ кресты; неимущимъ давалъ свой.

([16]) Старообрядцы еще забываютъ одно событіе. Шушеринъ говоритъ о немъ такъ: «Бывшимъ на мори таковое волненіе воскипе, яко ни единой ладіи остатися, но вси разбіени быша, обаче лодіе отъ потопленія спасашяся, точію едина ладія, въ ней же бяше діякъ съ прочими, безвѣстно погибе. Никонъ же, на ины суды сѣдъ, Соловецкаго-монастыря достиже».

— Всяко соблазнился еси о мнѣ, о человѣче, нарицая мене тако! отвѣчалъ ему Никонъ. Нѣсмь бо патріархъ, но митрополитъ новгородскій.

Арсеній продолжалъ его называть патріархомъ и просилъ:

— Да егда будеши возведенъ на патріаршій престолъ великія Россіи, воспомяни мене въ славѣ твоей и изведи отъ мрачныя сія темницы.

— Аще сія сбудется, отвѣчалъ ему Никонъ, то исполнено будетъ прошеніе твое.

Пока былъ Никонъ въ Соловкахъ, умеръ патріархъ Іосифъ и на срѣтеніе мощей св. Филиппа, съ царемъ Алексіемъ, вышелъ уже митрополитъ ростовскій и ярославскій Варлаамъ, исполнявшій чреду святительскую еще при Іосифѣ, но старый лѣтами и болѣзненный до того, что тутъ же, на мѣстѣ принятія мощей, сѣлъ въ кресла и умеръ ([17]).

Далѣе приводится опять извѣстное уже намъ видѣніе старцемъ Симеономъ пестраго змія, обвившагося вокругъ палаты грановитой.

([17]) Какъ раскольники, такъ и Шушеринъ, по случаю ско-

Іюля 25-го Никонъ возведенъ былъ на патріаршій престолъ. «И сый на престолѣ—прибавляетъ Андрей Денисовъ—по седми тысящахъ лѣтѣхъ прикрываетъ своя звѣриныя острыя ногти овчія кротости кожею и входитъ во всероссійское христіанское стадо» и затѣмъ хладнокровно, и даже съ нѣкоторымъ какъ будто сочувствіемъ описываетъ первыя дѣла патріарха: построеніе на озерѣ Валдаѣ Иверскаго монастыря, на Кій-островѣ Бѣлаго-моря — монастыря Крестнаго и Новаго-Іерусалима или Воскресенскаго монастыря, на рѣкѣ Истрѣ. И затѣмъ Андрей Поморянинъ, снова не сдерживаетъ своего хладнокровія, и продолжаетъ бранныя выходки, приступая къ тому дѣлу исправленія старопечатныхъ книгъ, которое затѣялъ вскорѣ Никонъ.

«Но не можаше, начинаетъ Андрей, сквернаго змія смертоносный ядъ въ сердцы лютаго того волка надолзѣ крытися, воспомянувъ убо лже-пророка своего, ссыльнаго чернца Арсенія, его же изъ Соловецкаго Лавринѳа, по обѣща-

---

ропостижной смерти митрополита, прибавляютъ, что онъ умеръ «яко точію верженія камени».

нію своему испустити повѣлѣ,—не яко отъ темницы узника, но яко видѣ инаго тайновидцемъ исходящаго изъ бездны, на попраніе православія звѣря. Его же веземъ, устрои его быти на печатномъ дворѣ справщикомъ. Той же окаянный Льва Саврянина и лжепророковъ его, богоубійцъ-жидовъ клевретъ, надхненный лютымъ латинскаго отступленія ядомъ, бысть богоотступнаго звѣря Никона, подобонравное ему во всякой новолюбительной лжи и дерзости любимое чадо» ([18]).

Затѣмъ кратко описываются событія, предшествовавшія открытію собора, самый соборъ, перечисляются противники исправленія; съ ненавистью, злостію и насмѣшками встрѣчает-

([18]) Шушеринъ такъ говоритъ объ Арсеніи: «Послаше же (Никонъ) съ милостынею старца Арсенія Суханова во Афонскую-гору и во иныя святыя старожитныя мѣста да оттуду старописанныя книги притяжутъ. Той же принесе изъ святыя горы Афонскія зѣло много древнихъ на греческомъ языцѣ писанныхъ книгъ, числомъ яко пятьсотъ. Еще же патріархи и иніи мнози не менѣе двоюсту различныхъ древнихъ святыхъ книгъ присла». Тотъ же Арсеній посыланъ былъ патріархомъ и въ Іерусалимъ для снятія подлинной мѣры храма Воскресенія, для Новаго-Іерусалима патріаршаго.

ся имя патріарха Паисія ([19]), упоминается о какомъ-то пророчествѣ какого-то старца Симеона. Припоминаются кстати свидѣтельства патріарховъ константинопольскаго Іереміи и іерусалимскаго Ѳеоѳана о паденіи церквей восточныхъ,—и таковыя же Арсенія Суханова, монаха Сергіева монастыря, посыланнаго на востокъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Наконецъ, приступаетъ авторъ къ перечисленію перемѣнъ, «вновь положенныхъ новинъ», по выраженію. «О нихъ, (говоритъ онъ) здѣ показати потщуся: яко вмѣсто трисоставнаго креста Христова двочастный крестъ, а по древнимъ исторіямъ, именуемый римскій крыжъ во всѣхъ священнодѣйствіяхъ воображенъ имѣти. Вмѣсто двоперстнаго сложенія триперстнымъ знаменоватися, а пятиперстнымъ благословляти. Вмѣсто пишемаго и глаголемаго имени Спасова-Ісусъ, съ приложеніемъ *и* — Іисусъ глаголати.

([19]) Той же александрійскій пардосъ (говоритъ Андрей)— посланіе Никоново, яко нѣкую сладчайшую поглотивъ снѣдь (издавна бо желаше Россію отъ благочестія обнажити), и собираетъ свой соборъ, противный восточнѣй древнѣй каѳолической церкви и составляетъ соборное дѣяніе».

вмѣсто сугубыя аллилуйя, трегубое съ приглашеніемъ: «Слава тебѣ Боже» пѣти. Церковная же околохожденія противъ, а не по солнцу творити, и литургію на пяти, а не на седми просфорахъ служити повѣлевающія. Прочія же множайшая новины и перемѣны, яже въ тѣхъ книгахъ просыпа, ихъ же песка число превосходитъ, о тѣхъ нынѣ за краткость слова молчаніемъ претекаю». Слѣдуютъ нѣкоторыя опроверженія, которымъ здѣсь не мѣсто.

Приступая затѣмъ къ описанію полицейскихъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ при борьбѣ съ противниками, Андрей снова впадаетъ въ паѳосъ и продолжаетъ такъ: «Наполнишася абіе узилища узниковъ, огустѣша улицы связанными исповѣдниками, обагришася спукуляторстіи бичи кровію страдальцевъ, взыграша тѣхъ мѣчи на исповѣдническихъ выяхъ, покрышася площади казненныхъ мученпковъ тѣлесами. Не толикое убо множество заяцей, увязшихъ въ ловитвенныхъ тѣнетахъ видяшеся, елико повѣшенныхъ христіанъ за содержаніе благочестія зряшеся. Всякаго убо града поле подобообраз-

ную халдейской римскую мучительную пещь на себѣ разженную лютѣ ношаше и вметаемые въ ню, не азаріины, но невѣсты Христовы церкве чады пожигаше» ([20]). Среди этого описанія авторъ упоминаетъ о томъ, что многіе (особенно престарѣлые) предавали себя самопроизвольной смерти. Говоритъ далѣе о такихъ, которые, собравшись въ какомъ нибудь домѣ, при появленіи преслѣдователей, сжигали себя; нѣкоторые, говоритъ онъ, сжигались даже по одиночкѣ, или топились, и даже убивали себя какимъ-либо острымъ оружіемъ.

Заключая эти описанія словами: «И о семъ убо до здѣ слово мое простреся», Андрей продолжаетъ далѣе такъ: «Что же начну о страшнемъ семъ звѣрѣ, изшедшемъ изъ бездны отступленія, о Никонѣ глаголю, неусыпномъ ка-

---

([20]) Между многими орудіями казни бичами, клещами, трясками, плахами, мечами и срубами, авторъ останавливается на желѣзныхъ хомутахъ. «Хомуты, говоритъ онъ, притягающія главу, руцѣ и нозѣ во едино мѣсто, отъ котораго злѣйшаго мучительства, по хребту лежащія кости по составомъ сокрушахуся; кровь же изъ устъ, и изъ ушей, и ноздрей, и изъ очію болѣзненно издавляющися течаше».

ѳолическаго благочестія гонителѣ. Яко убо узрѣ римскую блудницу, сѣдящу на зміи чермнѣмъ, упоену уже кровьми святыхъ исповѣдниковъ, играше мыслію своею и глаголаше безумный, въ сердцѣ своемъ: нѣсть Бога и яко не искуси Бога имѣти въ разумѣ. Сего ради предаде его Богъ въ неискусенъ умъ творити неподобная. По вся бо дни утучнѣвая себя питашеся, яко волъ на заколеніе. Вся же человѣческія души, лестьми и томленіемъ поѣдая, снѣдаше въ хлѣба мѣсто, и тако убо живый пребываше не яко пастырь, но яко волкъ и наемникъ».

Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ Кирика о стелькахъ въ башмакахъ патріарха съ изображеніемъ образа Спасова и Богородицы ([21]), и подобные же разсказы другаго Никонова келейника Андреяна, а ипподьяконъ Ѳедоръ увѣрялъ даже,

([21]) Авторъ въ этомъ мѣстѣ пишетъ такъ: «Узрѣ (т. е. келейникъ Кирикъ) нѣкогда (охъ грозы нестерпимые, рвущія повѣствующій языкъ мой отъ гортани!) въ бархатныхъ его патріаршихъ башмакахъ, на одной стелкѣ вышито распятіе Господа нашего Іисуса Христа, а на другой (увы лютаго страха, отъемлющаго отъ ума моего память!) вышитъ образъ Пресвятыя Богородицы воплощенія».

что видѣлъ подъ постелею патріарха образъ распятія Господня. Этотъ же дьяконъ Ѳедоръ, сожженный впослѣдствіи съ Аввакумомъ въ Пустозерскѣ въ срубѣ, говоритъ многое о содомствѣ патріарха. Но этому описанію не мѣсто въ печати. Монахъ Нафанаилъ (кіевлянинъ родомъ) былъ уставщикомъ у Никона. Разъ патріархъ говорилъ ему:

— При святомъ крещеніи, въ отреченіи сатаны, не подобаетъ на него плевати, ибо не знаючи у насъ то творятъ.

Нафанаилъ началъ съ нимъ спорить, говоря одно:

— Подобаетъ.

И послѣ долгихъ споровъ, сказалъ:

— Азъ плюю и на того, кто и за сатану стоитъ.

Разсерженный Никонъ приказалъ Нафанаила бить плетьми и сослалъ его потомъ въ созданный имъ новый монастырь Крестный. Здѣсь Нафанаилъ разсказывалъ старцамъ, что Никонъ Христа ради-юродивыхъ называлъ бѣшеными и не велѣлъ ихъ писать на иконахъ.

Григорій Нероновъ, жившій при патріаршемъ дворѣ свидѣтельствовалъ, что Никонъ назвалъ преподобнаго Евфросина псковскаго за двойственную аллилуйя дуракомъ, въ соборной церкви, при многихъ властяхъ. Тогда же Іосифа волоколамскаго ругалъ и всячески злословилъ, называлъ ябедникомъ и тогда же многихъ святыхъ исключилъ изъ помяновенія «и тако объюродѣвъ, яко и въ царскомъ домѣ дерзну сотворити нѣчто не подобное. Увѣдавъ же о семъ самодержецъ, искаше времене подобна како бы его суду предати, и гнѣвашеся нань зѣло, яко и въ великія празники въ соборную Успѣнія Пресвятыя Богородицы церковь не хождаше» (22).

Никонъ, увидѣвъ гнѣвъ царскій, іюля 10-го 1667, въ праздникъ Положенія ризы Господни, совершивши литургію въ Успенскомъ-соборѣ, снялъ съ себя святительскія одежды, поставилъ жезлъ на патріаршемъ мѣстѣ и во всеуслышаніе сказалъ слѣдующее:

— Аще отселѣ буду я патріархъ московскому государству, буду я проклятъ.

---

(22) То же самое подтверждаетъ и Иванъ Шушеринъ.

И плюнувъ три раза, вышелъ изъ храма. Затѣмъ отправляетъ къ государю посланіе съ просьбою дать ему келью на пребываніе.

Царь посылаетъ къ нему князя Алексѣя Никитича Трубецкаго, съ допросомъ: зачѣмъ онъ оставляетъ престолъ патріаршій?

— Яко вѣдый своя, яже къ Богу согрѣшенія и многихъ ради грѣховъ моихъ начаша быти здѣ въ Россіи многіе моры и войны, и вся злая, и того ради престолъ оставляю! отвѣчалъ Никонъ и уѣхалъ въ Воскресенскій-монастырь. «Пребывая же тамо перваго смрада гнусными мотылами помазоваше скверное свое еретическое волшебное тѣло, и пѣніе партесное пѣти устави» (23).

Вскорѣ Никита Зюзя, «хотя въ большой стыдъ ввести и царскую ярость паче воспалити», присылаетъ къ патріарху посланіе, какъ будто пи-

(23) «И возложи на ся вериги желѣзны, и вдадеся посту и воздержанію; пребывая же Никонъ въ Воскресенскомъ-монастырѣ, по вся дни по литургіи молебенъ пояше пресвятѣй Богородицѣ греческимъ рѣченіемъ и согласіемъ; и еще къ тому же приложи стихѣры Пресвятѣй Богородицѣ кіевскимъ согласіемъ, россійскимъ же рѣченіемъ», добавляетъ Шушеринъ.

санное по царскому повелѣнію, приказывая ему возвратиться на престолъ. Никонъ, «яко изъ младенчества славолюбіемъ поглощенный», поспѣшаетъ въ Москву, но остановленный стражами у Смоленскихъ-воротъ, отвѣчаетъ чрезъ служителей своихъ, что идутъ-де власти Савинскаго-монастыря.

Войдя въ соборъ во-время заутрени ([24]), онъ вошелъ на патріаршее мѣсто, взялъ жезлъ въ руки и началъ благословлять. Первымъ подошелъ подъ его благословеніе слѣпецъ Іона, митрополитъ Ростовскій, и за тѣмъ другіе.

Услыхавъ обо всемъ этомъ, царь приказалъ ему возвратиться въ Воскресенскій-монастырь. Никонъ исполняетъ повелѣніе, но беретъ посохъ митрополита Петра съ собою. На дорогѣ посохъ этотъ отнятъ былъ у него ([25]).

([24]) «Въ стихологіи первыя каѳизмы», прибавляетъ Шушеринъ, оправдывающій боярина Зюзю тѣмъ, что онъ послалъ свое посланіе, желая примирить патріарха съ царемъ.

([25]) Шушеринъ при описаніи этого событія говоритъ такъ: «Никонъ же, возсѣдая въ сани свои, отрясе прахъ отъ ногъ своихъ, глаголя Господни словеса:» идѣ же не пріемлютъ васъ исходяще изъ града того, и прахъ прилѣпшій къ но-

Въ слѣдующемъ году пріѣхали по приглашенію царя патріархи: александрійскій Паисій и антіохійскій Макарій. На пріѣздъ ихъ, царю уже извѣстно было все про Никона, чрезъ двухъ новокрещеныхъ евреевъ, жившихъ у патріарха въ служеніи. Первый предательствовалъ чрезъ Даніила (тоже еврея), аптекаря царской аптеки. Узнавши объ этомъ, Никонъ, подъ плетьми спрашивалъ его, но еврей не сознался, и былъ заключенъ въ тюрьму. Боясь въ свою очередь за себя, другой еврей, товарищъ перваго, убѣжалъ въ Москву и здѣсь закричалъ: «за мною слово государево». Приведенный къ царю, онъ огласилъ, что Никонъ взялъ ихъ женъ къ себѣ на блудъ. Царь приказалъ евреевъ этихъ, съ женами и съ дѣтьми, отдать за стражу въ Чудовъ-монастырь, на конюшній дворъ. Но «оніи жидове и со стражею безъ вѣсти погибоша» ([26]).

гамъ вашимъ отрясите, по свидѣтельству на ня. Сего ради и прахъ прилѣпшій отрясаемъ вамъ». Полковникъ же нѣкій глагола ему: «Мы убо прахъ сей подметемъ». Тогда Никонъ глагола ему: «размететъ убо васъ сія метла, явившаяся на небеси» (бѣ бо тогда звѣзда явившаяся комета)».

([26]) Тоже самое сообщаетъ и Шушеринъ, обвиняя этихъ

Между тѣмъ, собранъ былъ соборъ (27). Никонъ съ Арсеніемъ, новгородскимъ архіепископомъ, двумя архимандритами и полковникомъ стрѣлецкимъ Остафьевымъ, со стрѣльцами, приведенъ былъ въ Москву, на Архангельское подворье, въ Кремлѣ (декабря 2-го (28). Отсюда

евреевъ въ томъ, что они жидовствовали. Подробности же этого дѣла у Шушерина тѣ же самыя и почти слово въ слово.

(27) О пребываніи Никона въ Воскресенскомъ-монастырѣ (когда въ Россіи не было патріарха восемъ лѣтъ и пять мѣсяцевъ) Шушеринъ свидѣтельствуетъ, что Никонъ ѣлъ всегда съ братіею на трапезѣ, кормилъ странныхъ и пришельцовъ, и послѣ обѣда всѣмъ странникамъ умывалъ ноги. «Бяху бо во оная времена—добавляетъ Шушеринъ — и раскольницы мнози, отъ нѣкоего ересеначальнаго черица, глаголемаго Капитона, размножившіеся, и на него Никона за исправленіе книгъ многая хуленія глаголаху, нарицающе его антихристомъ. Тогда же царь государь, ревнуя по церкви, повсюду Капитоновъ и раскольниковъ онѣхъ всячески изыскиваше и пустынныя ихъ еретическія жилища разоряше; самихъ же онѣхъ непокаряющихся, смертію, ранами и заточенми смиряше».

(28) Шушеринъ описываетъ подробности этого пути, какъ самовидецъ, и въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что, когда въ попутномъ селѣ Черновѣ, явились ночью посланные отъ собора, съ повелѣніемъ идти туда, Никонъ отвѣчалъ: «охъ лжи и неправды исполненныя! чесо ради повелѣваете быти въ нощи и съ малыми людьми, или убо такожде хощете удавити мя, яко же Филиппа митрополита?—было на то время часа три ночи».

взятъ былъ сначала подъякъ патріаршій, Иванъ Шушеринъ (авторъ житія) къ допросу, но Шушеринъ ничего не показалъ и былъ сосланъ въ Новгородъ, въ заточеніе (29),

Поутру, на другой день, приведенъ былъ и самъ Никонъ въ деревянную, столовую палату, при церкви Благовѣщенія. Онъ трижды поклонился царю (30), вселенскимъ патріархамъ, церковному собору и затѣмъ царскому синклиту.

Царь сошелъ съ трона и подошелъ къ столу,

---

(29) Вотъ это мѣсто: «у вратъ николаевскихъ повелѣша ми сипти съ коня и отдати крестъ (Никонъ, по патріаршему обычаю, ѣхалъ предшествуемый крестомъ). Азъ же снидохъ съ коня и отдахъ крестъ Никону патріарху. Мене же веземше два стрѣльца, приведоша къ государю единому въ верхъ. Начатъ же великій государь вопрошати мя о невѣдомыхъ вещѣхъ, мнѣ же отрицающуся и ничто же вѣдати глаголющу. Великій же государь глагола ми:» Глаголи ты мнѣ нынѣ, аще же мнѣ не учнеши глаголати, а не мнѣ скажешь же; и будетъ ти сидѣти доколѣ и Богъ изволитъ». И абіе посаженъ былъ у тайныхъ дѣлъ и сидѣхъ 11 дней. Послѣ же отданъ былъ полковникомъ за крѣпкую стражу и сидѣхъ три лѣта и больше. Посемъ же сосланъ былъ въ Великій-Новгородъ, въ ссылку».

(30). Царь же стоя мало главу свою преклоняше», свидѣтельствуетъ Шушеринъ.

за которымъ сидѣли патріархи, просилъ суда ихъ на Никона, приказывая спросить его: зачѣмъ онъ оставилъ престолъ и паству, ушелъ въ монастырь, и зачѣмъ ругалъ нѣкоторыхъ архіереевъ и царскихъ совѣтниковъ? Никонъ отвѣчалъ грубостями, «яко лютый змій уязвляше государя словесы нелѣпыми, ими же утруждаше лютѣ его царскую душу, которыми его тяжкими грубостьми понемалу утрудився», царь приказываетъ его безчестно вывести подъ карауломъ и не давать ему ни пищи, ни питья ([31]).

12-го декабря снова былъ собранъ соборъ

([31]) Три дня дѣйствительно не ѣлъ Никонъ, не принимали пищи и его приставники. Патріархъ просилъ сотника донести объ этомъ царю и дать свободу входить и выходить его людямъ за потребнымъ. «Сотникъ же за настоящій страхъ не смѣ того сотворити». Никонъ тогда вышелъ «на высоту храмины своея» и закричалъ вслухъ всѣмъ, чтобъ возвѣстили царю, дабы не повелѣлъ всѣхъ голодною смертію поморить. Бояре доложили государю, и Алексѣй Михайловичъ поспѣшилъ прислать изъ дворца своего множество пищи и питья. Но Никонъ ихъ не принялъ, сказавши: «Лучше есть зеліе ясти съ любовію, нежели телецъ упитанный со враждою». Слышавъ то, царь оскорбился и сказалъ патріархамъ, но къ Никону велѣлъ входить и выходить. Такъ продолжалось до 12-го декабря.

въ Чудовѣ-монастырѣ, въ Благовѣщенской-церкви, надъ воротами, «въ притворѣхъ». Здѣсь предсѣдательствовали, кромѣ царя и двухъ патріарховъ, 13 русскихъ архіереевъ. Произнесено было рѣшеніе, которое состояло въ лишеніи Никона святительскаго сана и въ осужденіи на ссылку (приводится подлинникъ этого «объявленія»). Объявленіе это читалъ Никону Иларіонъ, рязанскій епископъ, но Никонъ перебилъ его, бранилъ патріарховъ, называя ихъ просаками и нищими, а судъ ихъ баснею, правила лживыми, номоканонъ книгою восточною, законъ царскій еретическимъ. Иларіонъ обличалъ его жестоко, нарицая убійцею, блудникомъ, хищникомъ и «иными многими безчестными глаголы» и затѣмъ опять продолжалъ перечисленіе обвиненій. Никонъ слушалъ кротко, но когда патріархи приказали снять съ головы его черный клобукъ и съ шеи панагію, Никонъ началъ говорить и кричать:

— Вы есте просаки и грабители, а не пастыри, и пришли есте не да пользу кую здѣ сотворите, но лестію и похлёбствомъ жестоконрав-

ныхъ человѣкъ сердца похитите и именемъ патріаршества точію, а не дѣломъ нраву ихъ разрѣшеніе учините, и тѣмъ не сытую вашу, сребролюбную и аду подобную, гортань наполните, и проч.

Паисій, не вытерпѣвъ оскорбленія, посохомъ своимъ сшибъ съ Никоновой головы клобукъ на землю. Затѣмъ, они начали другъ друга укорять и поносить, но «обаче одолѣ греческій левъ россійскаго пардоса», прибавляетъ Андрей.

Когда сняли съ Никона клобукъ, съ жемчужнымъ крестомъ, и панагію, усыпанную драгоцѣнными камнями, Никонъ сказалъ патріархамъ:

— Се яко пришельцы и невольницы суще, аще сія себе раздѣлите, потребу и отраду отъ всѣхъ скорбныхъ, бывающихъ вамъ, на нѣкое время обрящете.

Сослали Никона въ Ферапонтовъ-монастырь, въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, подъ присмотръ архимандрита и стрѣлецкаго головы Аггея Шепелева, съ 150-ю стрѣльцами (32). Здѣсь верстахъ

---

(32) «И введенъ бысть въ больничную *коптѣлую* келію,

въ двухъ отъ монастыря, на острову (длиною въ 20, шириною въ 5 саж.), Никонъ водрузилъ крестъ, съ надписаніемъ, что «поставленъ бысть тотъ крестъ Никономъ патріархомъ, сущимъ въ заточеніи» (33). Этотъ крестъ послужилъ впослѣдствіи причиною къ новымъ клеветамъ на Никона. Бывшій съ нимъ въ заточеніи монахъ Воскресенскаго-монастыря Іона, искусный рѣщикъ, озлобившись на Никона, разсказывалъ стрѣлецкому головѣ Шепелеву (и письменно засвидѣтельствовалъ), что Никонъ къ тому кресту, поставленному имъ на южной лудѣ, ѣздилъ бесѣдовать съ дьяволомъ. Дьяволъ исхо-

ибо той монастырь до пришествія Никонова погорѣлъ бяше», говоритъ Шушеринъ.

(33) Шушеринъ такъ списалъ это надписаніе:

«Никонъ, Божіею милостію патріархъ, постави сій крестъ Господень, будучи въ заточеніи за слово Божіе и за святую церковь на Бѣлѣ-езерѣ, въ Ферапонтовѣ монастырѣ, въ тюрьмѣ». Мимо того креста шла дорога зимняя. Крестъ этотъ царемъ Ѳедоромъ былъ снятъ и надписи стерты. «Таковыя надписанія бяху на всѣхъ его сосудѣхъ келейныхъ (и на двухъ другихъ крестахъ по распутьямъ), и тая вся изтроша и загладиша. Рѣзавый же та надписанія, монахъ Воскресенскаго-монастыря Іона, отай приходя къ приставнику, многая ложная на Никона сшиваше».

дилъ къ нему въ образѣ змія. Никонъ обнималъ его, цѣловалъ и спрашивалъ, что объ немъ говорятъ въ народѣ и что гдѣ дѣлается? Обо всемъ этомъ голова донесъ царю, и Өедоръ Алексѣевичъ послалъ туда тульскаго архимандрита Павла и дворянина Ивана Желябовскаго, и на основаніи показаній ихъ, Никонъ, въ 1687 году, іюня 2-го, переведенъ былъ въ Кирилло-Бѣлозерскій-монастырь.

Но и на время заточенія его въ этомъ монастырѣ, на Никона плетется иная клевета, которой также не мѣсто въ печати.

Въ 1693 году, Никонъ, 26-го апрѣля, чувствуя приближеніе часа смертнаго, принимаетъ схиму. По этому случаю, архимандритъ того монастыря Никита, спрашиваетъ патріарха Іоакима о томъ, гдѣ похоронить Никона, если онъ умретъ, и какое пѣть надъ нимъ погребеніе. Патріархъ, по совѣту царя, повелѣлъ перевести тѣло Никона въ Воскресенской-монастырь, а погребеніе пѣть простое, монашеское, а не патріаршее.

Но Никонъ, не доѣзжая Ярославля ([34]), умеръ

([34]) Везли его на стругѣ рѣкою Шексною въ Волгу.

18-го августа, противъ Спасскаго монастыря, на рѣкѣ Которостѣ, а 26-го августа погребенъ былъ въ Воскресенскомъ монастырѣ, въ церкви, называемой «темница» (35).

«Отъ таковыя же глубины темнаго ада да избавитъ насъ Христосъ Богъ, и да утвердитъ насъ въ древле церковныхъ законѣхъ и обычаѣхъ, и въ сохраненіи заповѣдей Божіихъ до конца жизни нашея пребыти, и во оставленіи грѣ-

---

(35) Вотъ по Шушерину подробности этого событія: царь посылалъ за патріархомъ Іоакимомъ, но тотъ не пошелъ. Ѳедоръ Алексѣевичъ самъ отправился, съ новгородскимъ митрополитомъ Корниліемъ и четырьмя архимандритами на встрѣчу тѣла Никона и самъ пѣлъ съ клириками стихиру кіевскимъ согласіемъ: «Днесь благодать святаго духа насъ собра». Это было въ первомъ часу дня, при перемѣнномъ благовѣстѣ въ колокола. Чинъ погребенія былъ архіерейскій, но царь приказалъ митрополиту во всякомъ прошеніи поминать Никона патріархомъ. Десять часовъ съ половиною царь былъ неотступно при тѣлѣ Никона. «Освященіе же церкви Воскресенія, заканчиваетъ свою исторію Шушеринъ, бысть въ лѣто 1685, генваря 18-го дня. На освященіи же тоя церкви быша. Варсонофій, митрополитъ крутицкій, Гавріилъ, архіепископъ вологодскій и бѣлозерскій, Афанасій, архіепископъ архангельскій и холмогорскій. Изволиша же быти на томъ освященіи: великій государь, царь Іоаннъ Алексѣевичъ и государыни царевны: Татіяна Михайловна, Софія Алексіевна».

ховъ чистое покаяніе ему, всещедрому Владыцѣ, принести и вѣчныхъ благъ получити».

Такъ оканчиваетъ Андрей свое сказаніе о Никонѣ.

Въ книгѣ, доставшейся въ наши руки, слѣдуетъ за тѣмъ подлинное рѣшеніе суда патріарховъ, за подписью 15-ти рукъ. То же письмо и также на особомъ листѣ, написано было и по-гречески, съ подписью тѣхъ же рукъ. Далѣе слѣдуетъ статья, подъ заглавіемъ: «Отъ извѣстія, писаннаго о рожденіи и воспитаніи, и о житіи бывшаго Никона, патріарха московскаго, иподьякономъ его Иваномъ Шушеринымъ». Болѣе интересныя свѣдѣнія изъ этой статьи, мы пустили примѣчаніями, въ пополненіе, или опроверженіе тѣхъ фактовъ, которые даны разбираемою нами раскольничьею біографіею Никона. Замѣчательно при этомъ то обстоятельство, что Шушеринъ хитро заключилъ свою исторію о Никонѣ. Онъ приписалъ въ концѣ ея слѣдующее:

«Имя же писавшаго исторію о Никонѣ, патріархѣ московскомъ, хотяй вѣдати, да разумѣетъ. Оное же пять литеръ имать. Въ нихъ же три

самогласныхъ, согласная же едина и припряжногласная, едина же дебелая; суть же четверосложно во пріобщеніи. Число же имать 113.

Отечество же имать литеръ 13, отъ нихъ же согласныхъ 6, самогласныхъ 4, припряжногласныхъ 3; въ нихъ же двѣ тонкихъ, едина же дебелая; суть же четверосложно во пріобщеніи. Число же имать тӥг.

Прозваніе же имать литеръ 8; въ нихъ же согласныхъ 4, самогласоыхъ 3, припряжногласная, едина дебелая; суть же трисложно во пріобщеніи. Число же имать фѯг.

Имя же того и отечество, съ прозваніемъ, имать великое число ҂аѻз.

По описанію сему будетъ: Іоаннъ Корнильевичъ Шушеринъ.

ї о а и е у	н к р л в ч ш	ъ
Самогласныя.	Согласныя.	Припряжно-дебелая.

ь

Припряжногласное тонкое.

III.

О НИКОНѢ.

(ПОСЛАНІЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА).

Протопопъ Аввакумъ Петровичъ, по отношеніямъ своимъ къ личности патріарха Никона, былъ несравненно послѣдовательнѣе всѣхъ остальныхъ противниковъ патріарха. Сильный и неподражаемый діалектикъ, онъ не прибѣгалъ къ мелкой брани и ругательствамъ, которыми пересыпаны всѣ другія сочиненія и въ особенности тѣ, которыя вышли изъ подъ пера Андрея-Поморянина. Обладая огромною, поразительною начитанностью, онъ давалъ своимъ сочиненіямъ тотъ колоритъ, какимъ рѣзко отличаются всѣ его такъ называемыя толкованія и посланія: произведенія протопопа прежде всего отличают-

ся законченностью выводовъ, крайнею выработанностью выраженій. Знакомый со всяческими дѣлами на Москвѣ, и церковными, и гражданскими, онъ въ исторической части своихъ работъ поучительнѣе и знаменательнѣе всѣхъ остальныхъ раскольничьихъ писателей. Не имѣя нужды прибѣгать къ пасквилямъ, сплетнямъ и уловкамъ, онъ, при помощи огромной своей начитанности и громадномъ знаніи, успѣлъ сдѣлать то, что сочиненія его преимущественно прошли въ массу народа и даже породили, какъ мы уже разъ прежде сказали, особую секту, названную по имени протопопа—аввакумовшиной. Зная лично и притомъ коротко патріарха Никона, онъ не позволилъ себѣ ни разу пуститься въ мелкій и дробный анализъ особенностей характера, чтобы потомъ привязками омрачить его передъ міромъ многочисленныхъ враговъ патріарха. Это дѣло онъ предоставилъ другимъ; себѣ оставилъ часть самую важную и въ этой части онъ именно былъ и необыкновенно послѣдователенъ и логиченъ. Протопопъ главнымъ образомъ видѣлъ въ патріархѣ противника старой вѣры, и не бу-

дучи въ состояніи разъ примириться съ мыслію объ «отступничествѣ» Никона, по времени шелъ въ своихъ обличеніяхъ все дальше и дальше и, наконецъ, въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ посланій къ нѣкоей дщери христовой ([1]) видитъ въ Никонѣ нредреченнаго антихриста.

На этомъ-то именно посланіи мы и рѣшаемся остановиться на этотъ разъ, столько же для того, чтобы познакомить съ его содержаніемъ, сколько и для того, чтобы представить образчикъ сочиненій протопопа.

«Колико отъ отецъ навыкохъ разумѣти писаніе (говоритъ онъ самъ за себя), и да познаеши время се совершенно (т. е. пришествіе въ міръ антихриста), — отвѣчаетъ онъ на запросъ о времени пришествія противника Христова. И продолжаетъ: многіе говорятъ, по невѣденію божественнаго писанія, что антихристъ явится въ настоящемъ Іерусалимѣ; иные говорятъ, что на землѣ чувственной скоро будетъ преставленіе этого свѣта, другіе увѣряютъ, что на чувствен-

([1]) Можетъ быть къ Ѳевроніи, такъ называемой муромской.

ной землѣ пророкамъ божіимъ Иліѣ и Еноху не быть, и что многіе люди придутъ послушать ихъ благовѣстіе человѣческому роду и никто ихъ не пойметъ. Когда же кончутъ они свои пророчества въ «полчетверта лѣта», тогда, по попущенію Божію, онъ «предреченный звѣрь» (т. е. антихристъ) убьетъ ихъ и тѣла ихъ оставитъ непогребенными на стогнахъ великаго города Египта («иже духовне наречется Содомъ»). Полежатъ эти тѣла на земли полчетверта лѣта («во образъ пророчества ихъ») и духъ жизненный снидетъ въ нихъ и возмутся они на небо. Потомъ антихристъ убьетъ Іоанна Богослова (будутъ великія бѣды еще и до того времени) и кто промедлитъ, тотъ легко и удобно плѣненъ будетъ дьяволомъ. Но ты, дщерь Христова, мужайся и укрѣпляйся въ истинѣ, и если уже письмомъ своимъ просила меня и предала мнѣ свою душу, то увѣрься во всемъ, о чемъ я тебѣ скажу словами священнего писанія. Пророкъ говоритъ: «отъ сѣвера лукавство сказуетъ намъ». Какое же лукавство сказуетъ намъ пророкъ явно? Явно, что возвѣстилъ антихристу

быть въ сѣверной странѣ. Аѳанасій-Великій объявилъ Антіоху, что антихристъ будетъ въ Кифополи. Скифополь же — сѣверная страна, наша русская земля. Св. Іоаннъ Златоустъ (въ бесѣдахъ на посланія апостола Павла), указываетъ быть антихристу въ Римѣ; а св. Кирилъ во многихъ мѣстахъ своей книги («во знаменіяхъ») вспоминаетъ, что царство противника Христова будетъ въ Римѣ. Съ нимъ соглашаются и многіе другіе. Святой же Селиверстъ папа римсій («еда съ небеси послалъ къ Ѳилофею, патріарху Царяграда») нашу русскую землю, за ея благочестіе признаетъ третьимъ Римомъ, да и въ Кормчей книгѣ русскую землю пишутъ: «третьему Риму», а греческое царство тамъ называется вторымъ Римомъ. Св.Кириллъ въ писаніи объ антихристѣ говоритъ, что онъ будетъ ни отъ царей, ни отъ роду царскаго, а блаженный Петръ Дамаскинъ, что онъ будетъ чернецъ и имѣетъ возстать въ сѣверной странѣ и всѣхъ древнихъ еретиковъ превзойдетъ въ своей ереси. Это толкованіе весьма похоже на нынѣшнее время. «Избранный сосудъ» Павелъ апостолъ въ посланіи

своемъ пишетъ объ антихристѣ, что «аще не прійдетъ отступленіе, прежде открыется человѣкъ беззаконію сынъ погибели» (противникъ). Св. Златоустъ, толкуя это посланіе, говоритъ, что отступленіе—это самъ антихристъ, что отступленіе придетъ отъ вѣры, ибо самъ антихристъ явится благочестивымъ, а потомъ самъ же учинитъ отступленіе и потому прозовется сыномъ погибельнымъ. По той причинѣ нечестіемъ своимъ погубитъ многія души, если «не утрезвлятся; прельститъ избранныхъ и потомъ нападетъ отъ власти на безначаліе и послѣ себя приготовитъ весьма да дѣлаютъ лукавая». Все это, похоже на то, что по истинѣ «люто» дѣлаютъ теперь ученики его (подразумѣвая подъ этимъ, разумѣется, противниковъ старой вѣры). Св. Иполитъ говоритъ объ антихристѣ, что онъ льстивъ, беззаконный и отречется отъ своей славы. Св. отцы писали въ Нексаріи, что онъ остановится станомъ въ Іерусалимѣ; св. Ипполитъ прибавляетъ къ этому, что онъ соорудитъ каменный храмъ, такой же, какъ въ Іерусалимѣ, а св. Кириллъ все это завершаетъ тѣмъ извѣс-

тіемъ, что антихристъ покусится создать деревянную Соломонову церковь, «со инымъ богомоліемъ», но что до конца этого храма не сможетъ довести, даже не успѣетъ покрыть ея верхъ. Да и въ толковомъ апокалипсисѣ острожской печати писано, что антихристъ будетъ изображать изъ себя Христа въ исполненіе пророчества «воздвигну скинію падшую Давидову, изриновеніе ея паки воздвигну», и таковымъ дѣломъ во всемъ изображаетъ изъ себя Христа. Писано объ немъ, что онъ льстецъ. Во всемъ этомъ хочетъ ему быть подобенъ и Никонъ «пагубникъ», который построилъ въ сѣверной странѣ Іерусалимъ и рѣку прозвалъ Іорданомъ, и церковь такую же, какъ въ Іерусалимѣ, построилъ, и въ томъ своемъ льстивомъ Іерусалимѣ саномъ уставился.

«Время же Никона — время антихриста». Объ этомъ ясно пишетъ списатель книги «Правыя вѣры», говоря, что «по тысячѣ отъ воплощенія Божія Слова Римъ отпалъ, совсѣми западными странами, отъ восточныя церкви; въ пятьсотное же лѣто, девять-десять пятой тысячи жителіе отъ вѣры отпали и въ семъ заручную грамоту дали

римскому папѣ: и сіе второе отторганіе христіанъ отъ восточныя церкве. И тогда же Литва отпала отъ вѣры. Оберегая наше московское гусударство, писали святіи отцы: едва исполнится отъ воплощенія Божія слова х҃ѯ҃ѕ҃ лѣто, тогда и намъ подобаетъ имѣти опасеніе, чтобы также не пострадати, якоже и римляне, и Литва. И, вѣдая, не опаслись. «Сатана же со своимъ сосудомъ, съ Никономъ, на томъ году вѣру издѣся изгубилъ, а нынѣ и досталь истребили ученицы его». Списатель книги «Правыя вѣры» говоритъ, что тутъ и кончина вѣка, а потому многіе и недоумѣваютъ объ этомъ и говорятъ, что уже пришло то время, о которомъ писано въ книгѣ «Правой вѣры». Но списатель, вспомянувши объ этомъ выше въ томъ же словѣ, не могъ и сдѣлать иначе: св. Іоаннъ Богословъ въ «Апостолѣ» и въ «Апокалипсисѣ», въ 8-й главѣ, пишетъ, что сатана связанъ на тысячу лѣтъ, а св. Ипполитъ пополняетъ это предсказаніе объясненіемъ такого рода, что связанъ сатана на тысячу лѣтъ, считая годы эти отъ сошествія во адъ Господа нашего Іисуса Христа. Когда, пи-

шетъ Ипполитъ, пройдетъ тысяча лѣтъ отъ сошествія во адъ, и когда, послѣ той тысячи лѣтъ, исполнится число лѣтъ х҃ѯз и тогда, говоритъ, будетъ конецъ, придутъ на землю пророки. Не пророчествую я, но пишу отъ пророкъ: напримѣръ, Даніилъ свидѣтельствуетъ объ одной недѣлѣ, въ половинѣ которой будутъ на землю пророки и возвѣстятъ «со дерзновеніемъ» время времени. Писали же святые отцы и вспоминали со слезами, что быть-де великому развращенію во всѣхъ людяхъ, особенно когда, въ средѣ самыхъ христіанъ люди раздѣлятся на три части. И теперь видимъ это и не дивимся: Господь говоритъ: «горе миру о соблазнѣ». И ты, госпожа, разсуждай объ этомъ, и что съумѣешь отдѣлить отъ суевѣрнаго въ отеческихъ преданіяхъ, о томъ умалчивай. Разсужденіямъ страдальцовъ повинуйся во всемъ, о чемъ я помянулъ выше. Вѣрю, что когда ты такъ начнешь поступать, не удалится отъ тебя спасеніе твое и да будетъ съ тобою благодать Господа нашего Іисуса Христа. Аминь».

Въ концѣ посланія сдѣлана приписка рукою

самого Аввакума, приписка слѣдующаго содержанія: «А нынѣшніе ученицы Никоновы піаницы, философи слѣпіи, вожди всѣ возбѣсишася, яко пси лаютъ на церковь Христову и святыхъ отецъ облыгаютъ, и насъ православныхъ христіанъ проклинаютъ и мучатъ. Апостолъ глаголетъ: гонимый христіанинъ Христа въ себѣ носитъ, а гонящій—сатанѣ работаетъ».

IV.

ВТОРОЕ ПОСЛАНІЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА.

Второе «посланіе протопопа Аввакума», обращенное ко всѣмъ, стоявшимъ за прежній порядокъ церковныхъ дѣлъ (соборное), носитъ на себѣ двойной характеръ. Первая половина его состоитъ изъ тѣхъ отвлеченныхъ схоластическихъ умствованій, въ которыхъ вообще любилъ упражняться начитанный протопопъ. На этотъ разъ общій характеръ его стремленій носитъ на себѣ печать глубочайшаго смиренія и самоуниженія, которыми вообще любили прикрывать себя первые учители старообрядства. Сколько происходило это отъ искренности чувствъ и было въ духѣ всѣхъ реформаторовъ цѣлаго свѣта, столь-

ко-же и изъ личныхъ выгодъ ради возбужденія къ себѣ большаго сочувствія, а стало-быть и вниманія, какъ къ лицу страждущему и угнетенному. Мы останавливаемся на этой первой половинѣ посланія, чтобы показать характеръ всѣхъ приступовъ и введеній, предпосылаемыхъ Аввакумомъ къ своимъ посланіямъ. Въ нихъ много общаго и сходнаго. Но для насъ собственно важнѣе и поучительнѣе вторая половина. Она носитъ на себѣ исключительно историческій и автобіографическій характеръ. Протопопу нечего было скрываться передъ единомышленниками и не для чего. Судьба его уже была рѣшена на этотъ разъ тюрьмою, которая сулила ему въ будущемъ немного хорошаго. Еще одно посланіе въ Москву — и протопопъ съ четырьмя сообщниками былъ поставленъ въ деревянный срубъ и — сожженъ.

Посланіе Аввакума (о которомъ мы трактуемъ) начинается бесѣдою «человѣка грѣшна, человѣка безобразна и безславна, человѣка неимуща видѣнія, ни доброты, ниже подобія». «По истинѣ рещи (самоуниженно говоритъ Аввакумъ) яко не

есмь человѣкъ, но гадъ или свинія, яко-же и она питается рожцы, тако и азъ грѣхми; рожцы во вкусѣ имѣютъ въ гортанѣ сладко, во чревѣ же бредкость, тако и азъ, яко юнѣйшій блудный сынъ, заблудилъ отъ дому отца моего, пасохся со свиніями яже есть съ бѣсы; питаемъ грѣхми; услаждая плоть—огорчевая душу дѣлы и словесы злыми». Основывая всю философію свою на словахъ Священнаго Писанія, онъ расположилъ остальные выводы на словахъ апостола Павла, сказавшаго: «законъ духовенъ есть, азъ-же плотянъ есмь, проданъ подъ грѣхомъ». Что дѣлаю — того не понимаю, и дѣлаю не то, что хочу, а то, что ненавижу; и творю все это не я самъ, но «живый во мнѣ грѣхъ». «Азъ же (заключаетъ Аввакумъ) плотолюбецъ окаянный— нѣсмь человѣкъ». Человѣкъ былъ Іовъ праведный, непорочный, незлобивый; человѣкъ Божій— Моисей Боговидѣцъ; былъ человѣкъ вождь Навинъ «молитвою постави небеси текущее солнце»; человѣкъ былъ царь Давидъ, какъ сказано о немъ: «обрѣтохъ Давида сына Іессеева, мужа по сердцу моему», былъ человѣкъ пророкъ Авва-

кумъ, котораго принесъ ангелъ изъ Іерусалима въ Вавилонъ съ пищею въ ровъ къ Даніилу; «но не азъ окаянный Аввакумъ» (умышленно замѣчаетъ протопопъ). Я — говоритъ онъ тотчасъ же со всею полнотою преднамѣреннаго смиренія — я и самъ сижу во рвѣ душею и тѣломъ, нагой, безъ одежды.

Закончивши такимъ-образомъ предусмотрѣнное и вынужденное отступленіе, Аввакумъ продолжаетъ: пророкъ Іеремія, отъискивая днемъ человѣка, ходилъ по городу съ зажженною свѣчей.

— Чесо ищеши, пророче? — спрашивали его люди.

— Ищу человѣка! — отвѣчалъ онъ имъ.

— Како не видиши? — говорили ему люди. Зри: полна митрополія великая человѣкъ: вездѣ люди.

— Вижу и азъ — отвѣчалъ имъ пророкъ — яко много плоти, но нѣсть человѣка. Человѣкъ тотъ, кто праведенъ и благоугоденъ и живетъ въ заповѣдяхъ господнихъ, а эти люди — «зміи и керасти звѣріе, волцы и рыси, львы и мед-

вѣди, потому-что презираютъ велѣнія Божіи и не ходятъ въ заповѣдяхъ Господнихъ.

Златоустъ, толкуя дѣяніе св. апостолъ, говоритъ въ нравоученіи слѣдующее: «егда человѣкъ льститъ—тогда змій бываетъ; а егда блудитъ—тогда оселъ бываетъ, а когда чужая похищаетъ—тогда волкъ бываетъ, а егда гнѣвается — тогда рысь лютъ бываетъ: егда-же упивается—тогда самъ дьяволъ бываетъ».

«Видите людіе и чудитеся безобразству нашему (пишетъ уже отъ себя Аввакумъ) и плачите и рыдайте вси погубившіи всю образа господня красоту и доброту, яко же Іеремія плакаше Іерусалима». Особенно намъ теперь, въ настоящее время надобно плакать, ибо Антихристъ у дверей: пришелъ къ воротамъ двора; слушайте всѣ послушающіи «дастъ бо вамъ Господь разумъ о всемъ». «Увы мнѣ, увы мнѣ мати моя! кого мя роди? по Іову: проклятъ день въ-онь-же родихся и нощь она буди тьма, иже изведе мя изъ чрева матере моея». Такъ сильно заключаетъ свой приступъ, заканчиваетъ первую часть своего посланія протопопъ Аввакумъ, вѣря во всю силу

и многознаменательность своихъ намековъ, понятныхъ и намъ въ настоящее время почти чрезъ двѣсти лѣтъ послѣ смерти автора, а тѣмъ болѣе вразумительныхъ и убѣдительныхъ для современниковъ.

Но возвратимся къ самой существенной и интересной части — ко второй исторической половинѣ разбираемаго нами посланія.

«Въ 7100 году (1652) — говоритъ Аввакумъ — во второй день іюля вкрался «попущеніемъ Божіимъ» на патріаршескій престолъ бывшій попъ Никита Миничъ, въ монахахъ Никонъ, обольстивши святую душу царскаго духовника Стефана, который уговорилъ царя и царицу назначить его Никона на мѣсто Іосифа («явлься бо ему яко ангелъ, а внутрь сый дьяволъ»). Тогда и я въ тѣхъ палатахъ шатался «яко въ безднѣ мнозѣ»: много мы съ протопопомъ говорили о томъ между-собою секретно («потонку»), но спрошу объ одномъ: за что меня мучатъ теперь, за что тогда мучили? Когда этотъ злой вождь Никонъ сдѣлался патріархомъ и началъ искажать правую вѣру, повелѣвая креститься тремя паль-

цами и великимъ постомъ въ церкви творить «метанія» (поклоны) поясныя, только перстами дотрогиваясь до полу—мы съ отцами и братіей, не смолчавши, стали обличать еретика и предтечу антихристова. Онъ-же, много насъ мучивши, разослалъ всѣхъ въ ссылку: и были мы разсѣяны какъ въ великую годину при апостолѣ Стефанѣ. Такимъ-образомъ разослалъ онъ отцовъ и братій много: епископа коломенскаго Павла мучилъ и сжегъ въ Новгородскихъ предѣлахъ; протопопа костромскаго Даніила, много мучивши, уморилъ въ земляной тюрьмѣ въ Астрахани, муромскаго протопопа Логина остригъ и преслѣдовалъ въ Муромѣ; Гавріилу — священнику въ Нижномъ приказалъ отрубить голову; попа Михайла «безвѣстно погубилъ», и также погубилъ безъ вѣсти двухъ священниковъ Вологжанъ. А со мной сидѣло 60 человѣкъ и всѣхъ онъ насъ мучилъ и билъ и проклиналъ, и въ тюрьмѣ держалъ: немногіе теперь остались въ живыхъ. Меня сослалъ въ Даурскую землю («отъ Москвы чай тысячей будетъ съ двадцать (? !) за Сибирь»). Таская меня взадъ и впередъ

двѣнадцать лѣтъ, снова вытащили въ Москву «яко непотребнаго мертвеца, зѣло употчивали палками по бокамъ и кнутомъ по спинѣ 82 удара, а о прочихъ мукахъ потонку неколи писать: (всяко на хребтѣ моемъ дѣлаша грѣшницы»). Когда-же выѣхалъ я на Русь — попалъ на старыя цѣпи и бѣды. Видите, какъ нагъ я, протопопъ Аввакумъ, и въ землю посаженъ. Жена моя, протопопица Анастасія съ дѣтьми также сидитъ въ землѣ; старецъ Соловецкой пустыни Епифаній также нагой сидитъ въ землѣ: дважды рѣзали ему языкъ «Никоніане» за исповѣданіе христіанской вѣры и руку отсѣкли «и паки ему третій языкъ Богъ далъ». Лазарь попъ сидитъ нагой и въ земли казненъ. Ѳедоръ и Кипріанъ нагіе — говорятъ — съ нами же мучатся въ тюрьмѣ, за православіе, въ прошломъ году были пытаны. Соловецкій монастырь семь лѣтъ находится отъ Никоніанъ въ осадѣ. На Мезени изъ моего дому никоніане-еретики двухъ человѣкъ удавили на висѣлицѣ. Въ Москвѣ страдальца Авраамія — моего духовнаго сына — сожгли во дворѣ у Исаіи Салтыкова. Старца Іону — казанца

въ кольскомъ острогѣ разсѣкли на пять частей. Въ Холмогорахъ сожгли Ивана юродиваго; въ Боровскѣ сожгли священника Поліевта и съ нимъ вмѣстѣ четырнадцать человѣкъ. Въ Нижномъ сожгли народу много; въ Казани тридцать человѣкъ; въ Кіевѣ — стрѣльца Илларіона; а живущихъ на Волгѣ въ городахъ, въ селахъ и деревенькахъ и не хотѣвшихъ принять антихристовой печати—клали подъ мечь тысячами. Нѣкоторые рѣвнители христіанскаго закона «уразумѣвая лесть отступленія да не погубнутъ злѣ духомъ своимъ» собирались на дворахъ своихъ съ женами и дѣтьми и сожигались по своей волѣ. «Блаженъ изволилъ сей о Господѣ». Мы же оставшіеся изъ нихъ творимъ поминаніе жертвою слезною и изъ глубины сердечной («неизглаголанными воздыханьми») скажемъ такъ: «упокой Господи души рабъ всѣхъ, пострадавшихъ отъ Никоніанъ на всякомъ мѣстѣ и учини ихъ, иде же присѣщаетъ свѣтъ лица твоего. Рабамъ Божіимъ побіеннымъ — вѣчная память! Почивайте миленькіе до общаго воскресенія и о насъ молитеся: да ту же чашу испіемъ о Го-

сподѣ, которую и вы пили чашу. Мы же подщимся, Господа ради, подщимся, нелѣностно подвигнемся и потецемъ», пока есть время. Посмотрите: кто съ нами? Вотъ княгиня Ѳеодосія Прокопьевна Морозова и сестра ея Евдокія Прокопьевна Урусова, и Даниловыхъ дворянская жена Марья Ерасимовна съ другими мучатся въ Боровскѣ. Послѣ многихъ мукъ и пытокъ, послѣ разграбленія ихъ имущества, закопаны онѣ живыми въ землю, алчутъ и жаждутъ («такіе столпы великіе, имъ-же не точенъ весь міръ»). Женщины онѣ «немощнѣйшая чадь, а со звѣремъ по человѣку борются». Имѣла крестьянъ 8 тысячъ, да при мѣдномъ заводѣ 10,000 и больше, не пощадила и сына своего единороднаго. А теперь вмѣсто позлащенныхъ одровъ въ землю закопаны за старое православіе (дѣти онѣ мнѣ духовныя, знаю объ нихъ изъ вѣрныхъ устъ).

Посланіе это Аввакумъ заключаетъ такъ: «И о семъ Господь рече: міръ своихъ любитъ, а Христовыхъ ненавидитъ. А міру сему держатель дьяволъ: онъ тако поучаетъ дѣлати Христовымъ рабомъ; людей и насъ вяжетъ и куетъ;

мучитъ и смерти предаетъ, потому что онъ не любитъ Христа. А идѣ-же заповѣдь Христова соблюдается—ту благодать Духа Святаго преобладаетъ, а діаволя сила отгоняется».

V.

ТРЕТЬЕ ПОСЛАНІЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА.

Третье посланіе протопопа Аввакума адресовано было къ самому царю Алексѣю Михайловичу. ([1]) Мы передаемъ его въ возможно-полномъ и подстрочномъ переводѣ, съ тѣмъ замѣчаніемъ, что оно было послѣднимъ посланіемъ въ жизни протопопа, рѣшившимъ вскорѣ смерть его сожженіемъ въ срубѣ. Посланіе это носитъ на себѣ характеръ задушевной, откровенной исповѣди. Самая смѣлость его и наивность изложенія — одинаково поразительны и знаменательны. Ме-

---

([1]) «Сицево посланіе послано къ царю отъ протопопа Аввакума съ сотникомъ 188 года (1680) изъ пустозерскія темницы» — сказано въ имѣющемся у насъ спискѣ.

жду старообрядцами посланіе это пользуется глубочайшимъ уваженіемъ, да иначе и быть нельзя. Вотъ содержаніе этого посланія:

Царь государь и великій князь Алексѣй Михайловичъ! Много разъ я писалъ къ тебѣ прежде и просилъ тебя примириться съ Богомъ и оставить отдѣленіе свое отъ церковнаго тѣла. И теперь посылаю тебѣ мое плачевное моленіе, говорю съ тобой изъ темницы какъ изъ гроба, я, грѣшной, протопопъ Аввакумъ. Помилуй единородную свою душу и войди опять въ первое свое благочестіе, въ которомъ ты порожденъ съ бывшими прежде тебя благочестивыми царями, родителями своими и прародителями, и съ нами, твоими богомольцами: ты освященъ въ одной святой купѣли, «единой сіонской церкви святыхъ сосецъ ея нелестнымъ млекомъ», воспитанъ съ нами же, наученъ здравымъ, догматамъ единой православной вѣры съ нами же отъ юности. Зачѣмъ ты братію свою такъ оскорбляешь? — вѣдь всѣ мы имѣемъ одного отца, иже есть на небесахъ, по святому Христову Евангелію. И не покручинься, царь, что я такъ съ

тобой говорю, вѣрь истинѣ. Царь есть господинъ надъ всѣми, но у Бога онъ также рабъ заурядъ со всѣми. Господиномъ назовется наипаче тотъ, кто владѣетъ собою и безмѣстнымъ страстямъ своимъ не работаетъ, но имѣетъ поборникомъ непобѣдимаго самодержца безсловесныхъ страстей, который всѣ похоти низлагаетъ всеоруженіемъ цѣломудрія.

«Честь царева судъ любитъ», по словамъ пророка. Что-же ересь наша? — или какой расколъ внесли мы въ церковь? какъ говорятъ объ насъ Никоніане, называя въ лукавомъ и богомерзкомъ Жезлѣ раскольниками и еретиками, а въ иныхъ мѣстахъ и предтечами антихриста. Не постави имъ, Господи, грѣха сего: не вѣдятъ бо, бѣдніи, что творятъ! Ты, самодержецъ — за всѣхъ отвѣчать будешь, ибо ты первый далъ имъ смѣлость нападать на насъ. Мы не видимъ въ себѣ даже слѣду какихъ-либо ересей или раскольства: пощади насъ Сынъ Божій и впредь отъ такого нечестія. Богъ свидѣтель и пречистая Богородица и всѣ святые: если мы раскольники и еретики, то и всѣ святые отцы наши и прежніе

благочестивые цари и святѣйшіе патріархи — таковые же. О небо, и земля! слыши глаголы сія потопныя и языки велерѣчивыя! По истинѣ, царь государь (смѣло говоримъ это), дерзаете вы, но не на пользу себѣ. Кто-бы смѣлъ выговорить такія бранныя слова на святыхъ, еслибы «твоя держава» не попустила быть тому. Послушай, государь! ты своею правдою хочешь встать на страшномъ Христовомъ судѣ передъ ангельскими тьмами и передъ всѣми племенами вѣрныхъ и невѣрныхъ народовъ. Если-же въ отеческихъ святыхъ книгахъ и въ догматахъ нашего православія хотя одна ересь или какая-нибудь хула на Христа Бога и на церковь его найдется, то ради мы просить прощенія передъ всѣми православными. Особенно-же ради мы просить прощенія за то, если мы какіе-нибудь соблазны или расколы внесли въ церковь отъ себя. Но нѣтъ, нѣтъ! всѣ наши церковныя законоположенія правы (и непогрѣшимы) для всѣхъ тѣхъ, кто понимаетъ истину, имѣетъ здравой умъ по Христѣ Іисусѣ, а не по стихіямъ этого міра. За церковь эту мы страждемъ, умираемъ

и проливаемъ свою кровь. Просмотри, царь христіанскій, Писанія и ты тамъ увидишь, что въ послѣднія времена исправленія вѣры нигдѣ нѣтъ и не будетъ правды; но вездѣ писано: «въ послѣдняя времена отступятъ вѣры, а не исправятъ ю, и исказятъ писанія, и превратятъ, и внесутъ ереси погибельныя и многихъ прельстятъ». Во всѣхъ писаніяхъ ты увидишь это. И не удивляйся: эту истину сказалъ самъ Христосъ. «Егда пріидетъ Сынъ человѣческій — обрящетъ-ли вѣру свою на земли?» Наши богословы отвѣчаютъ: «не обрящетъ, кромѣ малыхъ избранныхъ, забѣгшихъ въ горы и пустыни, а во градѣхъ и селахъ не обрящется не единаго православна епископа и попа». Такъ и будетъ по славу Христову. Вспомни Ноевы времена. Много ли благочестивыхъ осталось передъ потопомъ? — знай, что только восемь человѣкъ. И при скончаніи вѣка также будетъ малое стадо Христово, и большое воинство сатаны и антихриста. И не хвались: палъ ты глубоко, а не посталъ искривленіемъ, а не исправленіемъ богоотметника и еретика Никона; умеръ душею отъ ученія его, а не

воскресъ. И не прогнѣвайся, что мы называемъ его богоотметникомъ: если правдою спросишь насъ—мы скажемъ тебѣ о томъ ясно, изъ устъ въ уста, съ очей на очи. Если-же не допустишь ты сдѣлать такимъ-образомъ — передадимъ на судъ Христовъ. Тамъ и тебѣ будетъ тошно, да ни мало уже не пособишь себѣ. Здѣсь ты намъ не далъ справедливаго суда съ отступниками, но тамъ ты самъ будешь отвѣчать всѣмъ намъ; а льстящіе и потакающіе тебѣ (судомъ которыхъ судилъ насъ), такъ-же сами осудятся Христомъ и святыми его. «Въ ню же мѣру мѣриша намъ— возмѣрится имъ отъ Сына Божія». «Нечего уже намъ говорить съ ними: все дѣло въ тебѣ, царѣ, затворилося и за однимъ тобою стоитъ. Жаль намъ твоей царской души, и всего семейства твоего. Сильно соболѣзнуемъ о тебѣ, да пособить не можемъ: самъ ты не хочешь помощи къ спасенію своему. А о греческихъ властяхъ и нынѣшней вѣрѣ ихъ самъ ты прежде посылалъ Арсенія Суханова разузнать у нихъ и знаешь, что у Грековъ изсякло благочестіе, по предреченію святыхъ: царя Константина, папы Селивер-

ста и ангела Божія, явившихся тогда и сказавшихъ о томъ Филоѳею, патріарху цареградскому. Знаешь-ли, что обо всемъ этомъ писано въ «Исторіи о бѣломъ клобуцѣ»? а если зналъ, — то зачѣмъ истину принимаешь за ложь? Вотъ за то и открывается гнѣвъ Божій на васъ и ты много разъ былъ наказанъ отъ Бога со всѣмъ своимъ царствомъ: да не опомнились. А если не велишь нашихъ мертвецовъ погребать у церкви и живущихъ велишь лишать исповѣди и святыхъ тайнъ, то Христосъ не лишитъ насъ своей благодати. Онъ съ нами теперь, съ нами же и будетъ. Надѣемся на Него крѣпко и ни одинъ смертный и тлѣнный не можетъ разлучить насъ съ Нимъ, ибо съ Нимъ мы страждемъ съ Нимъ и умираемъ. Хорошо ты, царь, придумалъ со властями своими, чтобы, по смерти нашей, грѣшныя тѣла наши побросать псамъ или отдать на растерзаніе птицамъ. Знаемъ мы, да и ты слышишь каждый день въ церкви, что святымъ мученикамъ (ни одному изъ нихъ) не было честнаго погребенія отъ убійцъ и отъ тѣхъ, которые морили ихъ въ темницахъ: тѣ-

ла ихъ брошены были въ нечистыя мѣста, въ воду, во рвы, иныхъ въ калъ, а мощи другихъ и сожигали; но Христосъ ихъ ни гдѣ не забылъ. Такъ точно и насъ нигдѣ не забудетъ надежда наша: снова соберетъ наши кости вмѣстѣ съ первыми въ послѣднiй день и мертвенныя тѣла наши оживотворитъ духомъ святымъ. Нисколько мы не лучше древнихъ мучениковъ и исповѣдниковъ. Хорошо намъ такъ валяться на земли: святые отцы добровольно не велѣли погребать себя въ землю ради великаго смиренія, да большую мзду пріимутъ отъ Христа Бога. Чѣмъ больше ты насъ оскорбляещь, мучишь и томишь, тѣмъ больше мы тебя, царя, любимъ, и молимъ Бога о тебѣ до смерти твоей и своей. Спаси, Господи, всѣхъ клянущихъ насъ и обрати ко истинѣ своей! Если не обратитеся, то всѣ погибнете на вѣки, а не временно. Прости «Михайловичъ свѣтъ!» Лучше мнѣ умереть потомъ, но прежде скажу то, что тебѣ знать надо («и никакъ не лгу — ниже притворяяся говорю»): мнѣ сидящему въ темницѣ, какъ во гробу, что надобно? — развѣ смерть одну. «Ей тако»!

*

Одинъ разъ я молился о тебѣ съ горькими слезами съ вечера и до полуночи («зѣло стужающу Божеству, дабы изцѣлитися душею своею и живу быти передъ нимъ») и отъ труда своего я, многогрѣшный, падши на лицо свое, плакалъ и горько рыдалъ. Отъ великаго напряженія, забывшись, лежалъ я на земли и видѣлъ передъ собою тебя стоящаго, или ангела твоего, умиленно-подпершагося правою рукою. Я же, обрадовавшись, началъ тебя цаловать и обнимать съ умиленными словами, но, увидѣвъ на брюхѣ твоемъ огромную язву, наполненную множествомъ гноя, испугался. «Вострепетахъ душею своею», я положилъ тебя навзничь на войлокѣ своемъ (на которомъ творю молитвы и поклоны), и началъ язву на брюхѣ твоемъ кропить своими слезами, а руками сводить. И стало брюхо твое цѣло и здраво, какъ будто-бы никогда и не болѣло. Душа-же моя возрадовалась о Господѣ и о здравіи твоемъ. И снова, обернувши тебя вверхъ спиною, увидѣлъ я спину твою, сгнившую больше брюха. Язва эта оказалась больше первой. Когда же я съ горькими

слезами началъ спинную язву твою сводить руками, она «*мало мало* посошлася», но исцѣлѣла не вся. Опомнился я отъ этого видѣнія, все-таки не успѣвши всего тебя исцѣлить совершенно. Нѣтъ, видно, государь, надо перестать мнѣ плакать о тебѣ — вижу: не исцѣлить тебя. Ну, прости же ради Господа, прощай до-тѣхъ-поръ, пока не увидимся мы *тамъ*, о чемъ и говорилъ на Угрѣшѣ твоими устами и тобою присланный ко мнѣ Юрій Лутохинъ: «разсудитъ-де протопопъ меня съ тобою праведный судія Христосъ»! И я положилъ на томъ же: будь такъ по волѣ твоей: тебѣ, государь, такъ угодно, да и мнѣ такъ любо. Ты — царствуй многи лѣта; а я — буду мучиться многи лѣта: и пойдемъ вмѣстѣ въ вѣчныя своя домы, когда угодно то будетъ Богу. Ну, государь! хотя ты меня и собакамъ приказалъ выкинуть, но я еще благословлю тебя послѣднимъ моимъ благословеніемъ, а потомъ прости: ужъ только того и жду.

Царь Государь Алексѣй Михайловичъ! по любви моей къ тебѣ исповѣдаюсь всѣмъ сердцемъ моимъ и повѣдаю тебѣ вся чудеса Го-

сподня: «Ей не лгу»! и если будетъ все это ложь, то стать мнѣ съ тобою за ложь эту на страшномъ судѣ передъ лицомъ Господнимъ. Ради того хочу разсказать тебѣ, что кажется Господь не замедлитъ моею смертію: думаю, скоро будетъ отложеніе тѣлу моему: крѣпко утомилъ ты меня, да къ тому и самъ я мало забочусь о здѣшной жизни. Послушай, «Державне», что разскажу тебѣ какъ бы лицомъ къ лицу:

Въ нынѣшнемъ 187 году (1679), въ великой постъ, на первой недѣлѣ, по обыкновенію своему въ понедѣльникъ я не ѣлъ хлѣба, также во вторникъ и въ среду не ѣлъ; потомъ и въ четвергъ пробылъ не ѣвши, а въ пятницу до часовъ, началъ я келейное правило (Псалмы Давидовы) пѣть. И напала на меня страшно сильная озноба, такъ что и «на печи зубы мои разбило съ дрожи». Но я, лежа на печи, въ умѣ своемъ перебиралъ псалмы (ибо Богъ далъ мнѣ способность знать всю псалтырь наизустъ). Прости, государь, невѣжеству моему: отъ дрожи той напалъ на меня мытъ: и я такъ изнемогъ, что даже отчаявался

въ жизни настоящей: не принималъ я пищи уже дней до десяти и больше. Лежа такимъ образомъ на постелѣ своей, я упрекаю себя, думая, что вотъ въ такіе великіе дни не могу класть правила и поклоны, но только по четкамъ считаю молитвы. И «божіимъ благословеніемъ» ночью второй недѣли, наканунѣ пятницы, распространился языкъ мой и сталъ очень великъ, потомъ и зубы мои сдѣлались большими, а вотъ и руки и ноги стали велики, потомъ и весь я широкъ и пространенъ подъ небомъ: распространился по всей землѣ. А потомъ Богъ помѣстилъ въ меня небо и землю и всю тварь. Я же въ то время, непереставая, читалъ молитвы и перебиралъ «лѣствицу» (лѣстовку). Такъ продолжалось съ небольшимъ полчаса. За тѣмъ я всталъ съ постели легко и поклонился Господу до земли, а послѣ Господняго посѣщенія, началъ и хлѣбъ ѣсть въ славу Божію. Видишь ли, Самодержецъ! ты царствуешь на свободѣ, владѣя одною Русскою землею, а мнѣ, за темничное сидѣніе, Сынъ Божій подарилъ небо и землю. Ты, идя изъ здѣшняго своего царства въ вѣчной свой домъ возь-

мешь только гробъ и саванъ: я же «присужденіемъ вашимъ» и того не удостоюсь, но голыя кости мои будутъ растерзаны и влачимы по землѣ псами и птицами небесными. Хорошо и такъ: пріятно мнѣ и на землѣ лежать, свѣтомъ одѣянному и небомъ покрытому: и небо мое, и земля моя, и свѣтъ мой и всю тварь Богъ мнѣ далъ, какъ о томъ я уже и сказалъ выше. И не для перваго меня сдѣлано такъ (читай, Державный, если хочешь книгу Палею). Когда еще въ древнія времена великій ангелъ Алтезъ восхитилъ Авраама выспрь, т. е. на высоту къ Богу и показалъ ему «вся отъ вѣка сохраненная», такъ было угодно Богу. А теперь, думаешь: изнемогъ Богъ? Нѣтъ, нѣтъ! Тотъ же Богъ всегда и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ, аминь.

Хвалиться мнѣ не прилично, только по немощамъ моимъ, да вселится въ меня сила Христова и вселилась она не только теперь, но и въ тотъ разъ, когда темныя твои власти остригли мнѣ волосы и бороду и, предавши проклятію, держали на Угрѣшѣ въ темницѣ за твоимъ карауломъ. О горе мнѣ: не хочется говорить, да

нужда влечетъ. Въ тотъ разъ впалъ я въ тоску и сильно тяготился отъ кручины, размышляя про себя: что это такое?! въ старину такъ надъ еретиками не ругалися, какъ наругаются теперь надо мною: волосы и бороду остригли, и прокляли, и въ темницу затворили? Никоніане, больше отца своего Никона, натворили козней надо мною несчастнымъ! И жалуясь (стужахъ) о томъ Божеству да не сдѣлаетъ безцѣльными мои бѣдныя страданія, я, въ полночь, читалъ наизустъ святое евангеліе (утреннее), стоя надъ ледникомъ на соломѣ, въ одной рубашкѣ и безъ пояса. Это было въ день Вознесенія Господня. Вдохновился я: (1) и всталъ близъ меня по правую руку ангелъ мой хранитель, ласкаясь и прикасаясь ко мнѣ («и милcя дѣя»). Я же читалъ святое евангеліе не скоро, радуясь пришествію ангела. И вотъ потомъ изъ облака явилась ко мнѣ Госпожа Богородица, потомъ и Христосъ съ силами многими. Христосъ сказалъ мнѣ: «не бойся: азъ есмь съ тобою»! Я къ тому времени успѣлъ уже прочесть святое евангеліе до конца

(1) По подлиннику «и бысть въ дусѣ весь».

и, сказавши: «слава тебѣ, Господи»—упалъ на землю и лежалъ такимъ образомъ долгое время. Когда «отыйде слава Господня» всталъ я — и началъ кончать утреню: радость для меня была неизрѣченная, объ ней нельзя и разсказать теперь.

По любви къ тебѣ, Государь Михайловичъ, сказано все это. Готовясь умерѣть, объ одномъ только прошу я тебя, Христа ради: не разсказывай врагамъ моимъ Никоніянамъ тайны этой, «да не поругаютъ Христа Сына Божія и Бога. Глупы вѣдь, они дураки! бл...тъ и на самаго Бога нечестивые глаголы. Горе имъ, бѣднымъ будетъ»!

За тѣмъ, государь, миръ ти и снова благословеніе, если только исполнишь то, о чемъ я прошу твою царскую душу; если же нѣтъ — «буди воля твоя, яко же хощеши. Не хотѣлося было мнѣ въ тебѣ некрѣпкодушія того: вѣть то всячески всяко будешъ вмѣстѣ не нынѣ, ино тамо увидимся. Аминь».

VI.

ИСТОРІЯ

О ВЗЯТІИ СОЛОВЕЦКАГО МОНАСТЫРЯ.

«Какъ древній творецъ Омиръ много труда положилъ для того, чтобы описать начало и раззореніе города Трои и восхвалить мужей исполиновъ, положившихъ жизнь свою за отечество;— такъ точно и мы постараемся разсказать исторію, но не города, знаменитаго твердостью стѣнъ и крѣпостью духа обитателей, но *монастыря свята и пречудна, его же яко начало свято, избранно и боголюбезно, тако жительство христоподражательно, преподобно и боголюбезно*».

Такъ издалека и витіевато началъ Андрей Мышецкой свой приступъ къ описанію *Исторіи о*

запоръ и о взятіи Соловецкаго монастыря. Мы не будемъ подстрочно слѣдить за его сказаніемъ, готовые на этотъ разъ оставить за собою только одно право: — обнародовать тѣ событія изъ этого дѣла, которыя были (по какимъ бы то ни было причинамъ) пропущены всѣми историками не изъ раскольниковъ.

Авторъ этой «Исторіи», не стѣсняясь во многихъ мѣстахъ прибѣгать къ самымъ замысловатымъ и мудренымъ риторическимъ украшеніямъ, во всѣхъ остальныхъ приводитъ факты, полученные имъ изъ первыхъ рукъ и въ первые мѣсяцы послѣ описываемыхъ имъ событій. Мы не имѣемъ права отказать ему въ правдивости многаго, имъ сообщаемаго, тѣмъ болѣе, что имѣемъ подъ руками описанія того же событія, сдѣланныя противниками раскола. Въ то же время не обязываемъ себя идти за авторомъ въ сторону отъ фактовъ, группирующихся около описываемаго имъ событія. Андрей Мышецкой, въ подражаніе Гомеру и съ образца Иліады, ведетъ свое повѣствованіе отъ времени основанія Соловецкаго монастыря. На этомъ мѣстѣ

мы не останавливаемся ради крайней извѣстности сообщаемыхъ фактовъ. Далѣе авторъ восхваляетъ всѣхъ тѣхъ соловецкихъ монаховъ, которымъ могли сочувствовать защитники старой вѣры. Это мѣсто мы относимъ въ особую статью, а теперь прямо переходимъ къ тому времени, когда вновь исправленныя патр. Никономъ и отпечатанныя въ Москвѣ церковныя книги получены были въ монастырѣ Соловецкомъ. Это было въ 1656 г. Патріархъ Никонъ уже находился тогда подъ гнѣвомъ царскимъ.

Старцы собрали соборъ; книгъ не приняли; посланнымъ дали отвѣтъ, чтобы они возвратились назадъ, но архимандритъ Илія «мужъ довольнаго разсужденія» совѣтовалъ разсмотрѣть въ книгахъ разницу и несогласія. Старцы послушались: книги отданы были на рецензію знающимъ, но для службы не употреблялись. Между тѣмъ Илія умеръ, и на его мѣсто поставленъ былъ Варфоломей. При немъ въ монастырь начали стекаться съ разныхъ сторонъ всѣ тѣ, которые сочувствовали дѣлу противленія Никоновымъ реформамъ и между прочими при-

шолъ, въ 1666 г., въ Соловки, на покой, бывшій архимандритъ Саввина монастыря и царской духовникъ Никаноръ.

Между-тѣмъ дошолъ слухъ о дѣлѣ Соловецкихъ монаховъ до патріаршаго намѣстника и другихъ архіереевъ. «Сіи языки поостривше неправедно на праведныя, подходятъ, царя клевещутъ, возжигаютъ гнѣвъ, воспаляютъ самодержца». Царь посылаетъ указъ, чтобы взять архимандрита къ Москвѣ. Старцы собрали совѣтъ, рѣшившій написать къ царю молитвенное прошеніе, «да ослабитъ имъ по отеческимъ уставамъ во обители жити», извѣщая предъ Богомъ, что никогда не смѣютъ принять Никоновыхъ новопреданій и что—если и гнѣвъ царскій разжется на нихъ—готовы не только терпѣть нужды и скорби, «но и кровопролитіемъ и главоположеніемъ своимъ вси единомысленно со всеусерднымъ желаніемъ готовы печатствовати». Челобитную эту старцы отправили къ царю съ соборнымъ монахомъ Александромъ Стуколовымъ, упросивши въ то же время ѣхать вмѣстѣ съ нимъ и Никанора, бывшаго духовника цар-

скаго ([1]). Посольство было неудачно: царь не только не хотѣлъ послабить желанію монастыря, но даже не прочелъ и посланія ([2]). Никанора, ласками, увѣщаніями и страхомъ, прибывшіе на это время въ Москву вселенскіе патріархи успѣли склонить на свою сторону «и клобукъ греческій рогатый на главу его возложиша». Никаноръ, вмѣстѣ съ архимандритомъ Вареоломеемъ и Іосифомъ, отправлены были въ Соловки для увѣщанія покориться царю, принять новоисправленныя книги и архимандрита, вновь назначеннаго, Іосифа, бывшаго прежде строителемъ Соловецкаго подворья въ Москвѣ. Старцы приняли посланныхъ съ подобающею честію, но отъ требованій ихъ отка-

---

([1]) Соловецкая лѣтопись говоритъ, что челобитная отправлена къ царю съ соборнымъ старцомъ Кириломъ и двумя послушиками.

([2]) Челобитную эту обличали: Никифоръ Ѳеотокій, бывшій астраханскій архіепископъ въ своихъ отвѣтахъ, изд. 1780 г. и Юрій Сербянинъ въ письменной книгѣ «Обличеніе на Соловецкую челобитную». Въ 1834 и 1835 г. ее снова опровергали въ бесѣдахъ къ глаголемому старообрядству.

зались, говоря, что всѣ единодушно желаютъ лучше умереть, нежели измѣнить отеческимъ преданіямъ ([3]). Варѳоломей и Іосифъ отправлены назадъ въ Москву, а Никаноръ остался въ монастырѣ, ибо «смиренно прощеніе отцѣмъ киновіи принесе». Вскорѣ царскимъ указомъ онъ былъ потребованъ въ Москву, но не поѣхалъ туда, сколько по собственному желанію, столько-же и съ согласія старцовъ. Вмѣсто Никанора отправленъ былъ въ Москву соборный старецъ Герасимъ Ѳирсовъ «яко мужъ во святыхъ писаніяхъ, тако и во внѣшномъ наказаніи зѣло искусенъ». Ѳирсова, въ Москвѣ, духовные власти до царя не допустили, но на пути («яко извѣстніи глаголютъ»), какъ Филиппа-митрополита, задушили. Между-тѣмъ царь не переставалъ посылать въ Соловки для увѣщанія многихъ духовныхъ лицъ просьбами, ласками, обѣщаніями. Тоже дѣлалъ и митрополитъ новгородской. Царь Алексѣй наконецъ рѣшился дѣйствовать

([3]) Соловецкая лѣтопись говоритъ, что Соловецкихъ монаховъ Варѳоломея и Іосифа въ монастырь не пустили.

силою. Въ Киновію ([4]) Соловецкую отправленъ былъ воевода-стряпчій Игнатій Волоховъ съ сотнею стрѣльцовъ. Съ нимъ поѣхалъ и вновь назначенный архимандритъ Іосифъ. «Отсюду отцѣмъ Соловецкимъ подвигъ натружненія наста»—добавляетъ авторъ.

Предложено было на двое: или покориться, ради «привременныя сладости житія», или «смерть горчайшую получити». Старцы, въ соборной кельѣ, собрали всѣхъ наличныхъ монаховъ, объявили имъ царскій гнѣвъ и рѣшеніе воеводы и совѣтовали «крѣпкодушнымъ» мужамъ остаться въ монастырѣ, немощнымъ же и «страшливымъ сердцемъ къ брани», съѣхать на берегъ (такихъ оказалось мало). Всѣхъ же, рѣшившихся стоять въ монастырѣ за старую вѣру, насчитывалось до 1500 человѣкъ. Всѣ они отказали Волохову на требованіе его покориться и заперлись въ монастырѣ 1667 году ([3]). Воевода съ войскомъ

([4]) «Киновія—по объясненію автора, есть общежительство, собранное отъ стекшихся иноковъ во едино-имянное и единотрапезное, паче же единомышленное спасительное пребываніе»:

([5]) Главнымь начальникомъ въ монастырѣ соборъ стар-

стоялъ подъ монастыремъ четыре года. Весною онъ становился подъ монастырь, лѣтомъ жилъ на островѣ Заяцкомъ, а осенью переѣзжалъ на берегъ въ Сумскій острогъ, «веліе утѣшеніе и нужду и веліе насиліе и скорбь монастырю творяще»: не дозволялъ никому выходить изъ монастыря, выходившихъ велѣлъ хватать и, различно мучивши, предавалъ смерти. Такимъ образомъ пойманы были: Иванъ Захарьевъ, быв-

---

цовъ назначилъ келаря Савватія Абрютина (постриженнаго въ монашество изъ московскихъ дворянъ). Званія сотниковъ, пятидесятниковъ, пушкарей, затинщиковъ и камнеметателей разобрали себѣ соборные рядовые старцы (числомъ болѣе 500 человѣкъ). Но при этомъ важно еще одно обстоятельство, о которомъ почему-то умолчалъ нашъ авторъ, и о которомъ разсказываетъ Игнатій, митрополитъ сибирской, постриженникъ соловецкій, (тотчасъ послѣ осады три года жившій въ монастырѣ на послушаніи въ званіи экклесіарха церковнаго уставщика). Въ одномъ изъ трехъ своихъ, извѣстныхъ посланій, онъ говоритъ, что въ обитель пришли изъ Астрахани сообщники Стеньки Разина, пойманнаго уже и казненнаго. Явясь въ Соловкахъ, они поспѣшили расположить въ свою пользу всю братію, и, увѣривши ихъ въ своемъ знаніи военнаго дѣла, успѣли поставить своихъ начальниковъ Ѳаддея кожевника и Ивана Сарафанова. Эти начали противиться не только новопреданіямъ Никона, но

шій Соловецкій писарь, пустынникъ Пименъ и ученикъ его Григорій. На нихъ донесъ воеводѣ какой-то крестьянинъ; воевода послалъ стрѣльцовъ разыскивать мѣсто ихъ уединенія. Стрѣльцы нашли Пимена, Григорія и Ивана Захарьева, связали ихъ и привели къ воеводѣ въ Сумскій острогъ. Воевода сначала увѣщалъ ихъ «многимъ ласканіемъ и обѣщаніемъ чести и богатства, также гроженіемъ и прещеніемъ мученій», но ни въ чемъ не успѣлъ. Разгнѣванный,

---

и царя Алексѣя «не восхотѣли себѣ въ государя имѣти». Донскіе казаки говорили старцамъ: «постойте, братіе, за истинную вѣру и не креститеся тремя персты: это—печать антихристова». Похулили такимъ образомъ икону св. Троицы «въ трехъ перстѣхъ изображенную». «Сеже они казаки того ради съ ними и протворяхуся, яко да время воспріемше, онѣхъ убо во обители братство же и мірскихъ всѣхъ убо побіютъ; богатство же разбойнически изъ обители воспріемши, сами кождо гдѣ можетъ убѣжати»—прибавляетъ далѣе Игнатій. Но предвѣщаніе это—какъ извѣстно—не оправдалось и самое подозрѣніе не имѣетъ достаточныхъ основаній. Дѣло противленія было дѣломъ общимъ; личные интересы исчезли. «Донскіе казаки, никого же въ обитель пущаху приходящихъ, ниже молитвы ради, ниже инаго какова потребствованія»—говоритъ въ другомъ мѣстѣ тотъ-же Игнатій.

онъ посадилъ ихъ въ острогъ, гдѣ они и пробыли цѣлый годъ «дручими гладомъ и жаждою и прочими томительными озлобленіи». Тоже самое и въ тоже время терпѣли въ Кандалажскомъ монастырѣ два другихъ монаха—Сила и Алексѣй. Къ нимъ Іоаннъ отправилъ письмо, въ которомъ хвалилъ старые уставы и порицалъ новые. Письмо это «погрѣшеніемъ носящаго» было обронено, найдено и передано въ руки воеводы. Прочитавши письмо, воевода «зѣло разгнѣвася и отъ самодержца чрезъ писаніе власть пріемъ»,—началъ мучить Захарьева. Сначала изломалъ ему руки встряскою, потомъ билъ его кнутомъ, затѣмъ велѣлъ поджигать тѣло его на огнѣ и наконецъ «отъ сожженнаго толико тѣла ребра клещами разженными извлачити повелѣ». Но и тогда воевода не насытился—прибавляетъ авторъ: остригши на головѣ Захарьева волосы, приказалъ лить на темя холодную воду, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Двои сутки продолжались эти истязанія. На третій день воевода приказалъ страдальцу отрубить голову, «въ субботу по пятьдесятницѣ въ

небесное субботство страстотерпца главо-усѣченіемъ предпосла». Нѣкоторые Сумляне собрали было деньги, приготовили гробъ и «погребальная», принесли икону Богоматери, чтобы похоронить Ивана съ честью, но воевода имъ не позволилъ; трупъ, обернутый въ рогожу, стрѣльцы закопали въ землю безъ пѣнія и молитвъ. «Се первый плодъ, говоритъ въ заключеніе авторъ—и добрѣйшій или истѣе рещи гроздъ сладчайшій Соловецкаго монастыря преподобныхъ отецъ всесвятѣйшаго винограда въ точилѣ мученій изгнѣтшійся на божественнѣйшую вечерю ко всѣхъ царю и Богу принесеся».

Когда же воевода позвалъ къ себѣ Пимена и велѣлъ его раздѣть и когда всѣ увидѣли, что тѣло старца было обложено тяжелыми желѣзными веригами—воевода устыдился: наказаній не продолжалъ и даже, продержавши Пимена вмѣстѣ съ его ученикомъ нѣкоторое время въ тюрьмѣ, отпустилъ потомъ снова въ пустыню.

Вскорѣ послѣ этого событія изъ монастыря вышли еще трое: Дмитрій, Тихонъ и бѣлецъ Іовъ, которыхъ также схватили, посадили въ

тюрьму и неоднократно пытали до того, что они всѣ трое въ скоромъ времени умерли и были погребены рядомъ съ тѣмъ-же Иваномъ Захарьевымъ.

Но возвратимся къ Соловецкой обители[1.] Воевода Волоховъ, простоявши передъ монасты-

(1) Авторъ нашъ опять, неизвѣстно по какой причинѣ, дѣлаетъ пропускъ. Еще прежде прибытія воеводы Волохова явились (въ 1667 г.) отъ царя архимандритъ Сергій съ патріаршимъ боярскимъ сыномъ Григоріемъ Юровскимъ. Увѣщанія ихъ были не приняты. Изъ монастыря были взяты ссыльный князь Львовъ и келарь Абрютинъ, за которыми нарочно присланъ былъ стрѣлецкій голова Иванъ Лопатинъ. На мѣсто Абрютина старцы избрали въ келари монаха Азарія—будильника, а въ казначеи іеромонаха Геронтія. Такъ, покрайнѣй-мѣрѣ, свидѣтельствуетъ Соловецкая лѣтопись. Она-же указываетъ на втораго миротворца—стольника Александра Хитрово, явившагося въ Сумской острогъ вмѣстѣ съ Савватіемъ Абрютинымъ, обратившимся въ православіе. Соловецкіе монахи и ихъ не послушались. Во время осады стряпчимъ Волоховымъ, въ 1670 году, выѣхалъ изъ гавани въ море чернецъ Азарій съ 13 монахами и 24 человѣками мірскихъ людей на вооруженныхъ лодкахъ для ловли рыбы, но были захвачены въ плѣнъ и отосланы въ Сумскій острогъ для строжайшаго содержанія подъ карауломъ. Это событіе также почему-то пропущено нашимъ авторомъ, во всѣхъ другихъ случаяхъ не упускающимъ малѣйшихъ подробностей этаго дѣла.

ремъ неполныхъ четыре года, взятъ былъ къ Москвѣ, а на его мѣсто съ тысячью новыхъ стрѣльцовъ присланъ былъ полковникъ (голова, московскихъ стрѣльцовъ) Климентъ Іевлевъ, «человѣкъ лютый и немилостивый». Онъ отобралъ всѣхъ коровъ и лошадей, сжегъ дрова, снасти, мережи, невода и всѣ запасы, сдѣланные монахами и сложенные внѣ стѣнъ монастырскихъ, а вмѣстѣ съ-тѣмъ и всѣ келліи, расположенныя кругомъ обители. «Все неблагій онъ безчеловѣчно сожже, но и мзду за сіе отъ Бога немедленно прія: пораженъ бысть язвою согнитія и червей воскипѣніемъ». Страдая цынгою, Іевлевъ вытребованъ былъ къ Москвѣ [1] гдѣ вскорѣ и умеръ, а на его мѣсто прибылъ подъ монастырь (съ 1,300 свѣжаго войска) Иванъ Мещериновъ—стольникъ и воевода «лютый мучитель», иже пришедъ подъ киновію со многими стѣнобитными хитростями всяку кознь, всяко умышленіе къ раззоренію киновіи черезъ два

---

[1] Соловецкій лѣтописецъ добавляетъ, что Іевлевъ вытребованъ былъ въ Москву за насильственные поступки и за притѣсненіе монастырскихъ крестьянъ.

лѣта показа» (Іевлевъ стоялъ подъ монастыремъ тоже два года). Мещериновъ все лѣто стоялъ подъ стѣнами киновіи; на зиму съѣзжалъ на берегъ, но монастырю сдѣлать вреда не могъ. Старцы «видяще самодержца отъ архіереевъ на гнѣвъ и ярость весьма воспалена, помощи и милости человѣческія весьма отчаевшеся, къ единому Владыцѣ всѣхъ и Богу прибѣгаху, больше молитвами и слезами и денощными молитвостояніи вооружахуся и молитвенными противу ратныхъ стрѣляху стрѣлами». Установлено было пѣть по два молебна въ сутки и рѣшено, во что-бы-то ни стало, не пускать московскаго войска въ монастырскія стѣны. Въ послѣднемъ рѣшеніи осажденные не ослабѣли и на то время, когда между ними началась цынга и иные постригались, ради близости смертнаго часа, въ монахи, иные принимали схиму и, причастившись, умирали (таковыхъ насчитываетъ авторъ до 700 (?!). Мещериновъ, между-тѣмъ, продолжалъ стрѣлять въ монастырь изъ пищалей и пушекъ: одно ядро, улучивши въ окно, попало въ образъ Спаса, находившійся въ алтарѣ.

На третій годъ Мещериновъ велѣлъ всему своему войску зазимовать на островѣ и тѣмъ причинилъ монастырю еще большія невзгоды: «повелѣ хитрецамъ три гранатныя пушки отъ древа содѣлати и множество порохомъ начиненныхъ ядръ вмѣщающія: ова бо изъ нихъ 190 ядръ, ова же 290, ова же 390 ядръ вмѣщающе быша». Пушки эти — по сказанію автора — успѣха не имѣли: одно ядро (пущенное изъ первой) разсыпалось, не долетѣвши до стѣнъ монастырскихъ; другое (пущенное изъ второй пушки) разорвалось, перелетѣвши монастырь, въ пустынѣ. Въ третій разъ ядра, брошенныя изъ третьей пушки, восходя на высоту, устрашили всѣхъ осажденныхъ «елико презельнымъ стремленіемъ, толико необычнымъ шумѣніемъ, яко врани стадомъ паряще». Возлѣтѣвши на высоту прямо надъ церковью Спаса, ядра эти «скрежетаніемъ шума и клокотаніемъ огня и жупела» привели всѣхъ въ страхъ и уныніе. Всѣ ожидали конечной гибели и утверждались въ этой надеждѣ по мѣрѣ-того, какъ ядра, достигши высоты, быстро устремились къ низу.

Они уже были недалеко отъ крестовъ соборной церкви, какъ «внѣзапу духъ нѣкій дуну отъ церкве — и расточи оныхъ, внѣ монастыря, окрестъ оградныя стѣны обители». Только три ядра упали середи двора: одно у хлѣбопекарни, другое — въ другомъ мѣстѣ, и третье у самой гробницы или часовни преподобнаго Германа.

— Когда ядро у гробницы чудотворца Германа разорвалось (разсказывалъ потомъ братіи одинъ монахъ, зажигавшій на то время свѣчи въ Германовой часовнѣ) — я видѣлъ «очезрительно» столѣтняго старца, вошедшаго въ церковь. Старецъ былъ малъ ростомъ. Подойдя къ священнымъ ковчегамъ, онъ возопилъ: «Братіе Зосимо и Савватіе! возстаните! Идемъ къ праведному Судіи Христу Богу нашему — суда праведнаго на обидящія ны просити, которые намъ покоя и въ земли дати не терпятъ»! Преподобные приподнялись въ ракахъ своихъ, сѣли и отвѣтствовали: «Брате Германе! Иди — почивай: прочее уже бо отмщеніе обидящихъ ны посылает-

ся». «И тако возлегше — успоша». И пришедшій столѣтній старецъ невидимъ сталъ.

Такъ разсказывалъ «свѣщевозжигатель». Старцы дивились и затѣмъ соборомъ пѣли молебенъ. Надежда на спасеніе обители укрѣпилась въ нихъ еще болѣе, и не ослабѣвала даже на все то время, когда Мещериновъ копалъ кругомъ стѣнъ рвы и строилъ городки. Одинъ изъ осажденныхъ, бѣлецъ и служитель Димитрій, имѣлъ даже на столько храбрости, что кричалъ со стѣнъ стрѣльцамъ, ходившимъ кругомъ монастыря, слѣдующее:

— Почто много, о любиміи, труждаетеся и толикія подвиги и поты тунеи всуе проливаете, приступающе ко стѣнамъ града, зане и пославый васъ Государь-царь косою смертною посѣкается: свѣта сего отходитъ.

Слышавшіе слова Димитрія приняли ихъ за юродство и ругательства, но слова эти впослѣдствіи сбылись, «показалися истиною»—прибавляетъ авторъ.

Между тѣмъ рвы были выкопаны; городки выстроены, высоты равной со стѣнами мона-

стырскими (3), подкопы сдѣланы и засыпаны порохомъ; къ стѣнамъ приставлены были лѣстницы: войско московское пошло на приступъ; а соловецкіе старцы—въ соборную церковь. Тамъ они слезами и молитвами просили себѣ заступленія. На стѣнахъ остались стражи и слуги монастырскіе, которые не позволяли воинамъ всходить на стѣну и «охрабрившеся» сбрасывали лѣстницы. Приступъ былъ неудаченъ. Воевода былъ въ отчаяніи (4).

«Но понеже — продолжаетъ далѣе авторъ — случается домомъ великимъ отъ домашныхъ развращатися: случается и исполиномъ храбрымъ отъ приближающихся умерщвлятися; случается градовомъ крѣпкимъ и необозримымъ отъ своихъ соплеменниковъ предаватися». Тоже случилось и съ монастыремъ Соловецкимъ. Одинъ монахъ, именемъ Ѳеоктистъ, вышедъ ночью (8-го ноября) изъ обители, рѣшился

(3) Всѣхъ городковъ, т.-е. баттарей и брустверовъ — по свидѣтельству Соловецкой лѣтописи—сдѣлано было 13.

(4) Этотъ первый приступъ произведенъ былъ (по Соловецкому лѣтописцу) 23-го декабря 1676 г.

предать своихъ единомышленниковъ. Придя къ воеводѣ, онъ объявилъ ему, что въ монастырской стѣнѣ есть проходъ изъ сушильной палаты, черезъ который носили прежде воду въ эту палату. Когда старцы затворились въ обители; калитку эту они заложили кирпичами, но не слишкомъ крѣпко. Ѳеоктистъ обѣщалъ безъ всякаго труда взять обитель: воевода согласился и далъ ему 50 стрѣльцовъ. Отъ дня Рождества Христова до 29-го января, ходилъ Ѳеоктистъ съ этими воинами къ тому пролазу, но не могъ улучить времени, чтобъ сдѣлать что-нибудь рѣшительное: ночи стояли во все это время необычайно тихія и свѣтлыя. Въ пятницу съ вечера (28-го января) (5) 1677 поднялась страшная буря; на монастырь повалилъ густой снѣгъ; наступалъ непроглядный мракъ, а за нимъ и глухая полярная ночь. Сотникъ Логинъ, назначенный на этотъ разъ главнымъ досмотрщи-

(5) Здѣсь оба сличаемые нами автора противорѣчатъ: Соловецкій лѣтописецъ относитъ событіе взятія монастыря къ 22-му числу января. Ѳеоктисту помогалъ въ дѣлѣ прохода черезъ калитку маіоръ Келенъ—начальникъ отряда.

комъ надъ караульными по стѣнамъ, заснулъ и спалъ крѣпко. Нѣкто пришолъ къ нему и будилъ его, говоря:

— Логине! возстани, что спиши? — Воинство ратныхъ подъ стѣною града и во градъ будутъ скоро.

Воспрянувъ отъ сна, Логинъ осмотрѣлся и, не видя никого, перекрестился, снова легъ и заснулъ.

Во второй разъ ему послышался тотъ-же голосъ:

— Логине! возстани! что безпечально спиши? — Се воинство ратныхъ во градъ входитъ.

«Возбнувъ-же и перекрестився», Логинъ думалъ, что̀ это хочетъ быть и въ явѣ ли все это творится или только соблазнительный сонъ. Зная-же, что стражи зорко творятъ свое дѣло: онъ снова легъ и уснулъ и снова въ третій разъ слышитъ голосъ, будившій его и бранившій. Голосъ повторялъ:

— Логине! возстани! — воинство ратующихъ уже во градъ вниде!

Скоро собравшись и дрожа отъ страху, Ло-

гинъ побѣжалъ къ стражамъ и, увидѣвши всѣхъ на своихъ мѣстахъ и найдя подъ стѣнами все тихо, пошелъ къ старцамъ и разсказалъ имъ явленіе. Старцы испугались, разбудили остальную братію: стали пѣть молебенъ, а затѣмъ полунощницу и утреню «по чину». И такъ-какъ на то время было еще глубокое утро и густая тьма лежала надъ монастыремъ, то старцы снова разошлись по кельямъ.

Въ послѣдній часъ ночи, когда уже занималась («заводилась») заря и новые стражи пришли на смѣну старымъ — «предреченный предатель (то-есть Ѳеоктистъ), вынулъ изъ окна, при помощи желѣзныхъ ломовъ, кирпичи (плинфы), и пропустилъ такимъ-образомъ одного за другимъ, всѣхъ 50 стрѣльцовъ. Стрѣльцы эти отбили замки и отворили городскія ворота, куда вступило все наличное войско Мещеринова. Стражи, услыхавши шумъ и говоръ на стѣнѣ, бросились было къ защитѣ, но, видѣвши войско, разсыпавшееся по стѣнамъ и въ воротахъ, ужаснулись и ничего уже не могли сдѣлать. Напрасно самые храбрые изъ нихъ, Степанъ и Анто-

ній, въ числѣ тридцати человѣкъ, рѣшились противодѣйствовать напору осаждавшихъ: всѣ они были изрублены въ святыхъ воротахъ. Бой продолжался не долго. «Старцы-же и прочіи слуги и трудницы», бѣжали въ свои кельи и тамъ заперлись. Воевода, не входя въ обитель, послалъ туда своихъ сотниковъ просить и увѣщать иноковъ, чтобы они ничего не боялись, выходилибы изъ келій, обѣщая ничего не дѣлать съ ними («и клятвою крѣпкою свое обѣщаніе печатствова»). Старцы, повѣривъ на слово, вышли на встрѣчу съ честными крестами и святыми иконами, но воевода кресты и иконы велѣлъ отобрать, монаховъ и бѣльцовъ развести по келіямъ и оставить тамъ за карауломъ; самъ-же, вернувшись въ станъ свой, велѣлъ привести къ себѣ главнаго сотника Самуила и спрашивалъ его:

— Почто сопротивлялся самодержцу и воинство отъ него посланное отбивалъ отъ ограды?

— Не самодержцу азъ противихся — мужественно отвѣчалъ на это Самуилъ, — но за отеческое благочестіе и за святую церковь муже-

ствовахъ и хотящихъ разорить преподобныхъ отецъ, по́ты, не пущалъ во ограду.

Разгнѣванной воевода приказалъ бить Самуила пястицами до-тѣхъ-поръ, пока несчастный не палъ подъ ударами. Трупъ Самуила бросили въ ровъ.

За Самуиломъ потребованъ былъ архимандритъ Никаноръ («иже отъ старости и трудовъ молитво-предстоянія многолѣтныхъ, ногами ходити не можаше»). Его привезли на небольшихъ саночкахъ. Воевода обратился къ нему съ тѣми же вопросами:

— Чесо ради противился Государю? чесо ради, обѣщавшись увѣщать другихъ къ покорности, не только преступилъ обѣщаніе, но и самъ съ ними на сопротивленіе царю согласился? Зачѣмъ царское войско не пускалъ въ обитель и хотѣвшихъ войти отбивалъ оружіемъ?

На это старецъ отвѣчалъ:

— Самодержавному Государю не только не противлялся, но даже и не мыслилъ когда-нибудь противляться, ибо научился отъ отцовъ больше всего оказывать царямъ чествованья,

какъ училъ самъ Христосъ: воздавать кесарева кесареви, и Божія Богови. Но какъ вновь внесенныя уставы и «новшества» патріарха Никона не позволяютъ соблюдать божескіе неизмѣнные законы и апостольскія и отеческія преданія, то и удалился изъ міра и убѣжалъ изъ вселенной въ морской отокъ. Здѣсь «въ стяжаніи преподобныхъ чудотворцовъ» поселился, желая руководствоваться ихъ правилами и уставами и ходить по ихъ же стопамъ къ благочестію. Васъ же, пришедшихъ растлить древлецерковные уставы, обругать труды преподобныхъ отецъ и сокрушить богоспасательные обычаи, въ обитель праведно не пускали.

Это и тому подобное говорилъ Никоноръ. Свободная рѣчь, твердый голосъ, смѣлый взглядъ старца раздражили воеводу. Мещериновъ началъ ругаться и укорами своими довелъ до того Никанора, что тотъ отвѣчалъ ему:

— Что ты величаешься, и что ты высишься? Не боюсь я тебя, ибо и душу самодержца въ рукѣ своей имѣю.

Мещериновъ отъ послѣднихъ словъ оконча-

тельно пришолъ въ ярость: онъ вскочилъ со скамьи своей и началъ бить Никанора тростью по головѣ, по плечамъ и по спинѣ. Билъ его до той поры, пока не выбилъ послѣдніе зубы, а затѣмъ велѣлъ привязать его веревкой за ноги и влачить съ смѣхомъ и ругательствами за монастырскую ограду («мѣра влаченія яко полпоприща»). Тамъ Никаноръ брошенъ былъ въ ровъ въ одной сорочкѣ, съ разбитою о камни и ледъ головою. Цѣлую ночь мучился страдалецъ, борясь съ морозомъ и ранами; на утрѣ, передъ разсвѣтомъ, испустилъ духъ: «изыде, какъ прибавляетъ авторъ, отъ тьмы настоящаго житія въ немерцающій и присносущный свѣтъ; отъ глубокаго рва въ превысочайшее небесное царство».

Тѣми же вопросами и угрозами встрѣчаетъ Мещериновъ и соборнаго старца Макарія. Тоже и почти тѣми-же словами отвѣчаетъ старецъ этотъ воеводѣ, какъ отвѣчалъ ему архимандритъ Никаноръ. Отвѣтомъ Макарія, «яко стрѣлою», былъ пораженъ воевода, и вскочивши съ мѣста, «руками своими бія блаженнаго немилостивно по головѣ и по щекамъ, а потомъ и палкой то-

*

лико, елико изнемощи біющему». Никанора и Макарія тѣмъ же путемъ и со связанными руками, стрѣльцы утащили на морской берегъ и положили на смерзшемся льдѣ. Здѣсь, отъ холоду и ранъ, «страдалецъ отъ студености временнаго житія къ безсмертнаго царствія блаженнѣйшей веснѣ прейде».

Вслѣдъ затѣмъ Мещериновъ продолжалъ судъ и казни. «Истязавъ Хрисанфа — древорѣзца хитраго и Ѳеодора, живописца мудраго, со ученикомъ Андреемъ, воевода повелѣ смертію лютѣйшею казнити: руцѣ и нозѣ имъ отсещи, таже и самыя главы отрѣзати». Наконецъ выведены были изъ-за караула 60 человѣкъ монаховъ и бѣльцовъ. Всѣ они, въ свою очередь, были преданы смерти и казни: иныхъ воевода велѣлъ повѣсить за шею, другихъ за ноги, «овыя и множайшія междоребрія острымъ желѣзомъ прорѣзавше и крюкомъ продѣвши—на немъ обѣсити каждаго на своемъ крюкѣ. «Блаженные же страдальцы (свидѣтельствуетъ далѣе авторъ), съ радостію выи въ вервь вдѣваху; съ радостію нозѣ свои къ небеси тещи уготовляху; съ радо-

стію ребра на прорѣзаніе дающе и широчайше прорѣзывати моляху». Такимъ образомъ казнено было 12 человѣкъ.

«Иные же отъ отецъ звѣросердечный мучитель, за нозѣ вервію оцѣпивши, къ коннымъ хвостамъ привязывати повелѣ и безмилостивно влачити по отоку, дондеже души испустятъ» — прибавляетъ далѣе авторъ и свидѣтельствуетъ, что Мещериновъ не пощадилъ даже больныхъ и престарѣлыхъ. Найдя ихъ твердыми въ древлецерковныхъ правилахъ, воевода приказываетъ связать подвое спинами и вытащить на морской берегъ, въ однихъ свиткахъ и во время лютаго и нестерпимаго мороза. Здѣсь на льду сдѣлана была прорубь (іордань), но не просѣченная насквозь. Вся эта прорубь наполнена была больничными старцами (числомъ до 150); въ нее пропущена была вода и всѣ мученики такимъ образомъ, примерзая ко льду, «конецъ житія пріимаху». Всѣхъ пострадавшихъ во все время казней авторъ насчитываетъ до 400 человѣкъ «или до пятисотъ, яко же нѣціи глаголаша».

Казни прекратились. Воевода остальныхъ уже не хотѣлъ предавать смерти. Изъ нихъ вытребованъ былъ только одинъ Димитрій, кричавшій со стѣны. Тѣже слова, что государя царя нѣтъ уже въ живыхъ, повторилъ Димитрій и передъ лицомъ воеводы. Воевода велѣлъ посадить его съ прочими въ тюрьму, примолвивъ: «посмотримъ, какъ сбудется твое пророчество». Димитрій, вскорѣ освобожденный изъ подъ присмотра, отправленъ былъ въ ссылку въ Мезень, но не доѣхалъ до этого города и отъ множества ранъ умеръ въ дорогѣ. Вслѣдъ за Димитріевой ссылкой начались и другія ссылки въ отдаленные русскіе города и по ближнимъ тюрьмамъ. Монастырь опустѣлъ; но много труповъ висѣло кругомъ стѣнъ, много валялось на землѣ по морскому заливу.

Мещериновъ, окончивши казни и «обрѣтъ время, нача грабити вещи монастырскія, даже и до иконъ святыхъ дерзаше». Противъ такого насилія возсталъ инокъ Епифаній, бывшій казначей монастырскій. Воевода поступилъ съ нимъ круто: ключи отъ казны и сокровищъ от-

нялъ силою, а самаго Епифанія предалъ такой же казни, какъ и прежнихъ; велѣвши вытащить его на морской берегъ за ноги, и тамъ заморозилъ (¹). Новой царь московскій Өеодоръ, услыхавши о неистовствахъ и грабежахъ Мещеринова, поспѣшилъ отозвать его въ Москву («безчестно взяти»). «И тако оный мучитель немилостивый распудитель святыя киновіи, звѣрокровный лютѣйшій кроволіятель, ругательно и желѣзоносяще къ царствующему граду свезенъ,

(¹) Далѣе у автора отступленіе отъ повѣствованія, ради разсказа о смерти царя Алексѣя «въ самую недѣлю блуднаго за седмицу до разоренія киновеи». Передъ смертію царь, по свидѣтельству нашего автора, нѣсколько разъ посылалъ просить патріарха Іоакима, позволить ему отозвать отъ монастыря Соловецкаго войско. Патріархъ на троекратную просьбу царя не соглашался. Когда предсмертныя болѣзни царя Алексѣя умножились, онъ, не спросясь никого, отправилъ прямо отъ себя гонца къ Мещеринову. Но воевода, взявши монастырь и совершивши казни, успѣлъ уже отправить своего гонца къ Москвѣ. Оба эти гонцы, царской и воеводской, встрѣтились въ Вологдѣ и оба возвратились въ Москву. «Егда—пишетъ авторъ—воевода кровавую оную совершп богонеугодную жертву, тогда въ осмый часъ того дня государь царь оставляетъ своего царствія скипетръ, оставляетъ власть міродержанія и смертію отъ сего житія умираетъ».

и помалѣ времени отъ суда земнаго къ небесному, неумытному восхищенъ, мучительныхъ и кровоіятельныхъ прегорчайшихъ плоды сѣяній пожинати».

— И что-же?—спрашиваетъ затѣмъ авторъ: этотъ второй Іуда—виновникъ страшнаго кровопролитія — безъ наказанія, безъ отмщенія умеръ? Не сбылось надъ нимъ словъ священнаго писанія: «предавый мя тебѣ — болій грѣхъ имать?

— «Никако-же! отвѣчаетъ самъ за себя авторъ, но якоже множайшую сотвори злобу, тако множайшее и томленіе получивъ»; — и подтверждаетъ слова свои сообщеніемъ слѣдующаго факта: «По взятіи монастыря посылается на приказъ на Вологду и попущеніемъ Божіимъ въ неискусенъ умъ предався: впаде въ страсти нечистыя — въ скверны блуднаго разліянія; по семъ впаде въ болѣзни струпнаго прокаженія: все-бо тѣло окаяннаго отъ главы и до ногу лютымъ гноемъ кипяше. Таковымъ тяжкимъ мученіемъ, толикими нестерпимыми струпоболіи злѣ томимъ на многа времена—и злѣ испровер-

же презлѣйшую душу свою отъ временнаго къ безконечному мученію немилостивно взяся». Но — возвратимся и мы, въ слѣдъ за авторомъ «къ предлежащему теченію повѣстнаго пути».

Тѣла убитыхъ и казненныхъ лежали на землѣ очень долго: по случаю холодовъ и поздней весны неповрежденными и по случаю неполученія царскаго указа непогребенными. Когда полученъ былъ послѣдній, всѣ трупы, валявшіеся на льду, по берегамъ залива, и висѣвшіе на столбахъ собраны были вмѣстѣ и погребены въ одной ямѣ, выкопанной на морской лудѣ (островѣ), такъ называемой *Женской Корѣ*, не подалеку отъ острововъ соловецкихъ.

На этомъ авторъ поканчиваетъ фактическую сторону своей исторіи и, вѣрный основной мысли поученія и возбужденія сочувствія къ страдальцамъ, переходитъ къ извѣстной рутинной формѣ выводовъ: не скупится на реторическія украшенія, не стѣсняется прибѣгать къ суевѣрнымъ толкованіямъ самыхъ простыхъ обыденныхъ явленій и не боится подводить самыя смѣлыя и невѣроятныя заключенія. Въ одномъ мѣстѣ онъ

говоритъ, что причиною, побудившею начальствующихъ надъ монастыремъ къ погребенію гніющихъ труповъ, были сонныя видѣнія. Убіенные пришли къ начальникамъ и говорили: «если хотите, чтобы ледъ растаялъ—соберите наши тѣла и предайте погребенію; до-тѣхъ-поръ, пока трупы наши будутъ лежать сверху земли и льда —ледъ не растаетъ». Когда же совершено было погребеніе—весь ледъ и снѣгъ исчезли. Въ другомъ мѣстѣ авторъ увѣряетъ, что и въ весеннее время «и въ горячайшія солнца печепія» тѣла убитыхъ пребывали нетлѣнными, какъ бы живыхъ или спящихъ. По поводу населенія опустѣлаго монастыря новыми монахами изъ разныхъ русскихъ монастырей, авторъ окончательно приходитъ въ паѳосъ негодованія и говоритъ: «вмѣсто древнихъ оныхъ и добродѣтельныхъ отецъ новые мниси въ стяжаніе предобныхъ чудотворцевъ собрашеся; вмѣсто благоговѣйныхъ — неблагочиніи, вмѣсто трезвенныхъ—піянстволюбивіи; вмѣсто цѣломудренныхъ—оплазливіи; вмѣсто молитвенниковъ—молвотворніи; вмѣсто боголюбивыхъ и пустынполюбивыхъ отецъ—міръ

и житіе міра сего любящіи; вмѣсто общежительныхъ — всякъ свое имѣніе притяжающіи человѣцы». «Отсюду—продолжаетъ онъ далѣе—въ киновіи умножишася мятежи и безчинія; умножишася по келіямъ особьяденіе, варенія и пирогощенія; умножися винопитія и піянства и раждающіи піянство—питій содержаніе. Оставляются яже на пѣніяхъ молитвословія, исполняютъ кликовъ безчинія, яже учащеніе празднословія, срамословія и лаяній неподобныхъ изношенія: яже табаки держанія и табакопитія и прочія неблаголѣпныя обычаи и дѣянія».

Продолжая далѣе въ такомъ же духѣ и тонѣ свое повѣствованіе, авторъ заключаетъ свое сказаніе собственно объ осадѣ Соловецкаго монастыря слѣдующими словами: «Мы же любопрепарательное оставиши о оставшихъ отцѣхъ соловецкой киновіи въ малѣ повѣствованіе и пристанищу отишія лодійцу словесе ниспустивше:—успокоимся». Авторъ *ниспускаетъ лодійцу словесе въ пристанище отишія* и успокоивается только для того, чтобы въ послѣдующемъ разсказѣ повѣдать дальнѣйшую судьбу тѣхъ изъ соло-

вецкихъ старцовъ, которые стояли за древне-церковное благочестіе и которые уцѣлили отъ казней Мещеринова; но опускаетъ изъ виду еще одно важное обстоятельство, о которомъ говоритъ лѣтописецъ соловецкій.

Правительство московское, усмиривши соловецкое возстаніе, само окончательно не успокоилось. Оно цѣлой годъ держало въ монастырѣ 300 стрѣльцовъ изъ разныхъ городовъ съ начальными людьми, боясь новаго, возстать могущаго, мятежа. Въ это же время стольникъ и воевода Владиміръ Волконскій, при помощи дьяка Алмаза Чистаго, отписывалъ за монастырь волости.

VII.

ПОВѢСТЬ

О СТРАДАЛЬЦАХЪ СОЛОВЕЦКИХЪ.

Приступая къ описанію осады монастыря Соловецкаго, Андрей Поморянинъ говоритъ о тѣхъ изъ монаховъ, которымъ вообще могли и должны были сочувствовать всѣ державшіеся за *древле-церковное благочестіе*. Между-ними конечно на первомъ мѣстѣ авторъ вспоминаетъ о первыхъ соорудителяхъ монастыря Зосимѣ и Савватіѣ, «отъ нихъ же яко отъ благаго корене благой садъ и многоплоденъ собраніи израсти добрыя вѣтви». Таковы: Іоаннъ и пономарь Василій; Іоаннъ и Логгинъ «бывшіе киновіи служебники, нынѣ же новоявленіи Яренстіи чудотворцы»; Филиппъ «святый, старый киновіи многотщатель-

ный ктиторъ и всероссійскій чудотворецъ и архіерей»; Іаковъ-игуменъ «многотрудный чуднаго стѣннозданія соградитель». Иринархъ-игуменъ «и дивный пустынножитель». Діодоръ, «трудникъ и общежитель», основавшій впослѣдствіи Юрьегорскій монастырь; Андрей — прожившій 58 лѣтъ въ пустынѣ; Елеазаръ Анзерскій, соорудившій скитъ (въ послушаніи у котораго жилъ долгое время Никонъ — въ послѣдствіи патріархъ); Илія игуменъ и первый архимандритъ, воздержный до такой степени, что ѣлъ одинъ только хлѣбъ съ водою, а чтобы не показать этого братіи: на трапезѣ, вмѣсто варева, употреблялъ одну только теплую воду; Іоаннъ юродивый «въ человѣчестѣмъ буйствѣ, небесною мудростію обогативыйся», предвидѣвшій день своей смерти. Много дней ходилъ онъ по монастырю и кричалъ громкимъ голосомъ: «кто мнѣ будетъ спутникъ до Іерусалима?» — и никто не могъ понять его. Вечеромъ-же «передъ конечною ночью», онъ пришолъ къ одному изъ усмарей, своему другу, и говорилъ ему: «друже! пойдемъ со мною до Филиппова колод-

ца; я тебѣ желаю показать дивную вещь». Другъ его отказывался по причинѣ поздней поры, обѣщаясь идти съ нимъ поутру. Но когда усмарь пришолъ на слѣдующее утро къ Филиппову колодцу, то нашолъ своего друга Іоанна уже умершимъ. Все это онъ разсказалъ братіи «и тогда разумѣша вси, яко въ небесный Іерусалимъ блаженный спутника себѣ зваше». Гурій «блаженствомъ житія великихъ чудодѣяній изводитель показася»: онъ, живя въ пекарнѣ, входилъ въ печь тотчасъ послѣ того, какъ вынуты были изъ нея хлѣбы и въ этомъ нестерпимомъ жару (причемъ закрывалъ еще устье печи) творилъ, стоя, поклоны и молитвы. Этотъ Гурій задолго предрекъ о пріѣздѣ Никона за св. мощами Филиппа Митрополита. Встрѣчая старца Игнатія, онъ говорилъ ему:» Игнатіе! изыдеши изъ монастыря сего, ибо свой монастырь равный собереши». Это — по словамъ автора нашего — означало то, что Игнатій «въ Палеостровскомъ монастырѣ за благочестіе со двѣма тысящами и седмистами народа отъ нашествія воиновъ огнемъ скончася».

Далѣе авторъ вспоминаетъ еще многихъ изъ старцевъ, жившихъ въ монастырѣ около времени его разгрома. Таковы: юродивый Іоаннъ. Этотъ, когда еще миръ господствовалъ въ Соловецкой обители, ходилъ по монастырю и кричалъ: «бѣжимъ отсюда, къ обители иноземцы идутъ». А когда нѣкто Амосъ пріѣхалъ въ монастырь, Іоаннъ просилъ взять его съ собою на берегъ. «Почто? спрашивалъ тотъ; отвѣчалъ: «иноземцы будутъ разоряти обитель». Взявши блаженнаго въ лодью, Амосъ снова опросилъ его и услышалъ, что царское войско придетъ и разоритъ киновію и обычаи и уставы монастырскія измѣнятся. Пріѣхавши на берегъ, Іоаннъ жилъ въ селѣ Калгалакшѣ и деревняхъ съ нимъ сосѣднихъ, переходя съ мѣста на мѣсто, юродствуя по обычаю. Разъ какой-то пьяный наскочилъ на Ивана и ударилъ о землю почти до полусмерти. Придя въ себя, юродивой взглянулъ на убійцу и сказалъ ему: «какую же пользу получилъ отъ этого? вскорѣ псами будешь растерзанъ и слѣду костей твоихъ не останется. «Слово блаженнаго—пишетъ авторъ—дѣло абіе бываетъ: по

малѣ грядущу тому въ весь нѣкую нападше на него псы и всего разтерзаше и ниже слѣду костей оставиша по глаголу блаженнаго». Ходя и юродствуя по всему поморью, Иванъ дошелъ наконецъ до города Архангельскаго. Здѣсь онъ началъ стоять за древнецерковное благочестіе и свободно о томъ проповѣдовать. Его схватили и увезли въ Холмогоры. Въ этомъ городѣ, послѣ многихъ истязаній и мученій, онъ приговоренъ былъ къ сожженію. На зрѣлище это собралось огромное количество народу; пріѣхалъ и самъ воевода съ маленькимъ сыномъ на рукахъ. Когда блаженнаго поставили въ срубъ и онъ, ставши на востокъ, началъ молиться и когда огонь охватилъ весь срубъ и опалилъ страдальца — ребенокъ закричалъ отцу, указывая пальцемъ: «смотри, смотри, — вонъ Иванъ пошолъ вверхъ, вонъ на небо восходитъ». Это слышали многіе, «бывшіе отъ народа» прибавляетъ авторъ и говоритъ далѣе, что и въ самой обители предъ самымъ временемъ искушенія были «зѣло велицы подвижницы и молитвенницы»; таковы: 1) тотъ велемудрый братъ, который предъ кончиной

отцу своему духовному исповѣдалъ, «яже отъ келейнаго правила впередъ на тридцать лѣтъ начиталъ и наготовилъ»; 2) дьяконъ, у котораго отъ долгаго стоянія напухли ноги и онъ, идя однажды на пѣніе, завязалъ свою ногу, а когда ее высвободилъ и нашолъ сапогъ полный крови, то не задумался: снова вложилъ въ сапогъ ногу «на пѣніе съ радостію поспѣшно идяше, яко ничтоже пострадавъ».

Въ заключеніе своихъ воспоминаній авторъ приводитъ имена еще двухъ лицъ: именно Герасима Фирсова и Игнатія. Про перваго онъ говоритъ слѣдующее: «мужъ довольнаго ученія, иже во время Никона патріарха новопреданій слово о крестномъ знаменіи, иже на лицахъ сочинивъ добрѣйше, мудрости своея по себѣ изображеніе остави»; а про Игнатія, что онъ «мудрости воду яко губа почерпе», утвердилъ стоять въ древнихъ правилахъ всѣ олонецкіе и каргопольскіе станы и населилъ жителями непроходимыя пустынныя выгорѣцкія дебри.

Въ концѣ своей исторіи о взятіи Соловецкаго монастыря Андрей Денисовъ упоминаетъ о тѣхъ

проповѣдникахъ старой вѣры, которые вышли изъ Соловецкаго монастыря, таковы:

1) Епифаній, вышедшій изъ монастыря незадолго до осады съ однимъ черноризцомъ и поселившійся въ онежской странѣ. Здѣсь онъ многихъ убѣдилъ твердо стоять за старыя церковныя преданія и старыя книги. Затѣмъ на Сунѣ-рѣкѣ жилъ долгое время вмѣстѣ съ старцемъ Кирилломъ. Этому Эпифанію авторъ приписываетъ даръ пророчества и чудеса: «нѣкоему, злѣ живущу, послѣдняя житія въ добромъ покаяніи, другому злодѣю внѣзапную и горькую смерть предрече, и вышерѣченному Кириллу хотящую быти скорбь біенія и узы и отъ мѣста избѣжаніе предглагола». Разставшись съ Кирилломъ, Епифаній ушолъ въ Москву и здѣсь дѣйствовалъ за одно съ Аввакумомъ, Лазаремъ и Ѳедоромъ, за что «въ земляной тюрьмѣ многолѣтно томимъ бысть; еще же и двократное языка рѣзаніе претерпѣвъ—чудеснѣ Богомъ исцѣленный паки глаголаше! Наконецъ въ 1661 году «въ самый страстей Христовыхъ день, си есть въ великій пятокъ» вмѣстѣ съ товарищами

сожженъ былъ въ Пустозерскѣ. 2) Савватій, уйдя изъ Соловковъ, долгое время ходилъ по многимъ пустынямъ, «яко ѕѣло бяше искусенъ, благопостояненъ и опасенъ въ обученіяхъ». Когда молился одинъ въ келіи или въ сборѣ со многими и когда случалось что́ либо необычайное: шумъ или смятеніе или громкой разговоръ, никогда не обращался назадъ, даже не шевелилъ головой, не шевелилъ глазами, но «яко столбъ и яко камень недвижимъ,—молитвенною цѣвницею въ небо ударяя». И не только все это дѣлалъ, но другимъ воспрещалъ озираться, говоря: «случай низвлачится да некогда Бога прогнѣваемъ». Этотъ Савватій ушолъ въ Москву съ Никитою, тамъ былъ схваченъ, влачимъ по тюрьмамъ и наконецъ ему отрубили голову. 3) Діаконъ Игнатій, бывшій экклесіархомъ въ монастырѣ Соловецкомъ, до такой степени былъ начитанъ и уменъ, что возбуждалъ къ себѣ уваженіе даже въ противникахъ своихъ—новолюбителяхъ, изъ которыхъ одинъ говорилъ про него слѣдующее: «Игнатій Соловецкій—сусудъ полный мудрости и нагнѣтенъ есть». Этотъ Игнатій, уйдя изъ Соловковъ, жилъ дол-

гое время по монастырямъ и въ странахъ Онежскихъ и Каргопольскихъ, гдѣ успѣлъ убѣдить многихъ стоять твердо въ убѣжденіяхъ и правилахъ старой вѣры. Многіе, по его совѣту, бѣжали и основались на рѣкѣ Выгѣ. Ему приписывается между многими доблестями — даръ пророчества и предвидѣнія. Жизнь свою кончилъ Игнатій въ Палеостровскомъ монастырѣ, гдѣ онъ сожженъ былъ вмѣстѣ съ двумя тысями семьюстами человѣкъ, твердо стоявшими за древнее благочестіе, не взирая на то, что монастырь осаждало войско. 4) Германъ «смиренномудрый и кроткій», сначала вмѣстѣ съ Пименомъ, заключенъ былъ въ тюрьму Сумскаго острога. Освобожденный оттуда, онъ вновь посаженъ былъ въ тюрьму въ Новгородѣ. Отсюда онъ во второй разъ былъ освобожденъ, но впослѣдствіи также былъ сожженъ и въ томъ же Палеостровскомъ монастырѣ. 5) Іосифъ «глаголемый сухой» жилъ долгое время въ Соловецкомъ монастырѣ, откуда перевезенъ былъ въ Сумской острогъ, гдѣ, вмѣстѣ съ Пименомъ, посаженъ былъ въ тюрьму. Проживши тамъ цѣлое лѣто, онъ былъ освобожденъ, бѣ-

жалъ въ окрестности Каргополя, гдѣ многихъ утвердилъ стоять за древлецерковное благочестіе. Поселившись въ Дорской пустынѣ, онъ собралъ множество народа, чтобы предать себя и всѣхъ на сожженіе, но заблаговременно хитростію былъ схваченъ и увезенъ въ Каргополь. Здѣсь испыталъ онъ всѣ невыгоды темничнаго заключенія, но успѣлъ уйдти и долго странствовалъ потомъ по рѣкѣ Онегѣ. Въ 1692 году Іосифъ собралъ въ Пудожской волости огромную толпу народа, которая противодѣйствовала нападенію стрѣльцовъ; произошла схватка: Іосифъ былъ убитъ пулей, всѣ остальные схвачены и преданы сожженію: «числомъ суще тысяща двѣсти душъ»—увѣряетъ авторъ. 5) Евѳимій «дивный: его же яко зачатіе и рожденіе чудно, тако и житіе свято и преподобно». Евѳимій этотъ двѣнадцати лѣтъ постригся въ монашество, ходилъ по разнымъ монастырямъ, но долгое время жилъ въ Соловецкомъ. Во время осады послѣдняго, онъ вышелъ оттуда и переправился въ Поморье, но отсюда ушолъ въ Онежскій уѣздъ и затѣмъ восемь лѣтъ прожилъ тамъ на оди-

нокомъ и пустынномъ острову въ Виданской волости. Молока, рыбы и сыра никогда не ѣлъ, теплой одежды не носилъ, ходилъ въ одной и той же рясѣ зимой и лѣтомъ «тѣмъ и благодать предвидѣти будущая пріимъ»: предсказалъ наводненіе рѣки и наносы льду на Виданскую волость въ такомъ огромномъ количествѣ, что три недѣли стояло наводненіе, о которомъ никто и не слыхалъ ни прежде, ни послѣ того. Дважды оклеветанный, онъ былъ пойманъ, связанъ, обруганъ, заключенъ въ тюрьму, но бѣжалъ оттуда при помощи единомышленниковъ и еще долгое время потомъ скитался по пустынямъ: въ одной изъ нихъ умеръ. 6) Серапіонъ дьяконъ и 7) Логинъ слуга, прожившіе много лѣтъ на морскомъ острову въ безмолвіи, жили прежде въ монастырѣ Соловецкомъ, откуда вышли во время осады и переѣхали на островъ Великій близъ селенія Ковды. Тридцать лѣтъ прожили они тутъ невѣдомые. Даже рыболовы и звѣропромышленники, часто пріѣзжавшіе на островъ, не только не видали ихъ, но и не знали, что они живутъ тамъ. «Въ толикая убо лѣта откуду пищу, отку-

да одежду тѣлеси, отъ кіихъ житницъ, отъ кіихъ сокровищъ пріобрѣтаху? отъ человѣкъ сіе утанся»! восклицаетъ авторъ и затѣмъ разсказываетъ слѣдующее. Ковденскіе рыболовы, бродя по острову, случаяно нашли келію и живущаго въ ней старца Павла («прочимъ уже ко Господу отшедшимъ»). Со старцемъ этимъ рыболовы долгое время бесѣдовали, узнали все объ немъ и спостникахъ его, вкусили пищи и приняли благословеніе. Прибывши въ волость, объявили жителямъ о видѣнномъ и слышанномъ: жители волости снарядили лодью со всѣмъ потребнымъ пріѣхали на островъ, долго отыскивали пустынниковъ, но никого не нашли, не только самого Павла, но и кельи его, и не только на этотъ разъ, но и послѣ того неоднократно. Черезъ годъ нѣкоторые изъ ковденскихъ жителей видѣли надъ тѣмъ островомъ «столпъ огненный отъ земли до неба сіяющъ и видѣвше разумѣша, яко пустынныя отцы ко Господу отъиде». 8) Геннадій Качаловъ, одинъ изъ соборныхъ соловецкихъ старцовъ, обошедшій много городовъ и пустынь и пойманный въ

Нижнемъ Новгородѣ. Терпя общую участь, т. е. заключенный въ тюрьму и оттуда бѣжавшій, онъ также точно поселился въ пустынѣ около города Тихвина, гдѣ прожилъ ровно 12 лѣтъ. Затѣмъ онъ перешолъ въ Олонецкій уѣздъ въ выгорѣцкія пустыни и прожилъ тамъ много лѣтъ, поучая старой вѣрѣ «умиленіе-же толико стяжа, яко никогда-же пѣніе безъ слезъ препровождавше: аще вечерню и повечерницу пояше стояше, толико слезяше, яко многажды въ забвеніе приходжавше отъ многаго хлипанія». Умеръ онъ въ той же выгорѣцкой пустынѣ, въ которой и истратилъ послѣдніе годы своей скитальческой жизни: умеръ, не лежа на одрѣ, но сидя и читая молитвенное правило ([2]).

([2]) Въ дополненіе перечня святымъ, чтимымъ старообрядцами, приводимъ другой дополнительный списокъ, въ которомъ упомянуты еще слѣд: 1) Максимъ Грекъ, философъ; 2) Діонисій священникъ «священныя обители Сергіевой, премудрый пастырь; 3) Діодоръ Юрьегорскій отшельникъ, «прогнавшій враговъ молитвами черезъ озеро»; 4) Никодимъ Кожеезерскій; 5) Лазарь Муромскій, «обонежскій просвѣтитель»; 6) Корнилій Пальеостровскій, «пресвѣтлая звѣзда обонежская» 7) Триѳонъ «вятской; варвары научивъ» 8) Иринархъ Ростовскій;

Закончивши такимъ образомъ перечисленіе всѣхъ тѣхъ страдальцевъ и проповѣдниковъ, имена которыхъ памятны и почтены старообрядцами, авторъ увѣряетъ, что и по взятіи монастыря Соловецкаго многіе изъ оставшихся тамъ монаховъ стояла за старую вѣру и старыя преданія, оставаясь «никому же вѣдоміи». И наконецъ заключаетъ свое сказаніе такъ: «возрадуемся же и возвеселимся, яко въ послѣдняя сія и горькоплачевная времена дивный отецъ полкъ, все-изрядное мученикъ воинство возсіяв-

---

9) Авраамій городецкій «чухломскій свѣтильникъ и галицкій благовѣстникъ», 10) Пахомій Костромскій; 11) Паисій; 12) Андреянъ, 13) Геннадій русскій; 14) Евфимій архангелогородскій; 15) Евфросинъ андомскій; 16) Іаковъ Боровицкій; 17) Іакимъ-Корчежникъ, «на угляхъ сожженный»; 18) Исидоръ ростовскій 19) Іоаннъ великоколпачникъ; 20) Никита Кочановъ; 21) Викулъ Псковскій спаситель; 22) Анна кашинская; 23) Елена московская игуменья; 24) Іуліанія муромская; 25) великая княгиня Евдокія «вознесенскія обители изряднѣйшая красота»; 26) Премудрая Ѳевронія «заря муромская, всебогатая хитрословіемъ, искусная врачеваніемъ, побѣждающая Галіяновы и Асклипіодовы самомысленныя хитрости». «Воспомянемъ, говоритъ далѣе неизвѣстный авторъ, твердые и крѣпкіе мужи: Меркурія смоленскаго, Исидора ливонскаго, Антонія, Іоанна, Евстафія виленскихъ, Іоанна казанскаго, Стефана и Петра

ши возблиста!... веледушію оныхъ удивимся, преславной храбрости возчудимся, многострадательнымъ бореніемъ возговѣимъ, многоревностное о правдѣ стояніе ублажимъ и елико удивляемся пречудныя оныхъ подвиги объемлюще сердцы, толико и всесладчайшія хваленія благосердія прекраснѣйшія благотвореній принесше цвѣтособранія побѣдныя соплетающе вѣнцы, всесвященныя главы страдавшихъ увязше вѣнчаемъ. Возжелаемъ оныхъ теплой ревности, непоколебимой въ благочестіи; твердости, неизложимой въ терпѣніи, крѣпости непреврат-

---

казанскихъ же». «Ей! (заключаетъ авторъ), претеплыя заступницы и наши предстатели: ущедрите призывающія державную вашу помощь, разсыплите мраки страстей, расточите, гоненіе уставите, ереси низложите, церковные раздоры погасите, междоусобныя свары утишите, упремудрите начальствующія, упасите паствуемыя, вразумите старыя, уцѣломудрите юныя; накажите безчинныя, утѣшите малодушныя и вся ны милостивно научите и наставите благихъ дѣлъ, богатство пространно въ душахъ нашихъ всаждающе; волю нашу вселенной Господни воли покаряюще, въ преславнѣй правдѣ Божіей яко вѣрою, тако дѣлы совершенны являющи и всякими благими добротами, всякими спасительными прибыліи исполнимы, направите въ тихое и пресладчайшее будущіе радости пристанище, въ пресвѣтлый царствія небеснаго градъ».

наго о правдѣ стоянія и даже до смерти въ ономъ страданіи. Возлюбимъ сихъ дѣянія, молитвъ присные фиміамы, умиленія рѣки, воздержанія бразду, смиренія сребро, цѣломудрія здравость, терпѣнія твердость, разсужденія свѣтлость, упованіе высокое любви превосходящее и прочихъ добродѣтелей всеизрядное богатство сокровищъ... Сими же и мы всѣми спасенія стязями, во слѣдъ грядуще, благоревностно и незаблудно шествуемъ, яко да и въ будущемъ преблаженномъ вѣцѣ тая же радости вѣчныя, тая же славы безконечныя, тая же чести святымъ уготованныя сподобимся получити о Христѣ Царѣ и Бозѣ всяческихъ. Аминь»

Трактуя съ возможною подробностію текстъ «Исторія о запорѣ и о взятіи Соловецкаго мононастыря», мы имѣли въ виду то важное и существенное значеніе его, что онъ послужилъ первообразомъ и образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ раскольничьихъ авторовъ. Въ описаніи рѣдкаго изъ важнѣйшихъ событій въ жизни русскаго раскола: будетъ-ли то описаніе противоборства гражданской власти и военной

силѣ, — или жизнеописаніе новаго мученика за старую вѣру — вездѣ мы видимъ рѣзкіе слѣды вліянія этого сочиненія Андрея Поморянина. Особенно поразительно это сходство въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя принадлежатъ по времени къ прошедшему столѣтію. Неутрачиваютъ этой силы вліянія и тѣ изъ нихъ, которыя писаны въ нынѣшнемъ столѣтіи, хотя уже въ нихъ и изчезла правильность церковно-славянскихъ оборотовъ рѣчи, проскользаетъ грубая поддѣлка, примѣтна искусственность склада, подъ-часъ измѣняющая даже самой цѣли сочиненія. Особенно рѣзко это въ двухъ сочиненіяхъ, находящихся у насъ подъ руками. Первое изъ нихъ: «Посланіе о святыхъ отцахъ, иже на Мезенѣ—рѣцѣ за древнецерковное благочестіе во огни смерть воспріяху» и второе «Синаксарь или воспоминаніе страдальческихъ подвиговъ православныхъ христіанъ богоспасаемаго монастыря Свято-Покровскаго, нарѣченнаго Новопечерскимъ Кіевскимъ и посадовъ Климовскаго, Зыбковскаго и Злынскаго, совершившихся въ 1791 году, по переселеніи изъ

Вѣтки». останавливаемся въ настоящей статьѣ на первомъ, ради краткости сообщаемыхъ фактовъ.

VIII.

САМОСЖИГАТЕЛИ НА МЕЗЕНѢ.

Событіе это относится къ 7252 (1744) году.

Нѣкто Артемій Ванюковъ, крестьянинъ Окладниковой слободы (вошедшей въ послѣдствіи въ составъ города Мезени), ходитъ по мезенскимъ скитамъ долгое время, выпытываетъ и вызнаетъ обо всѣхъ дѣлахъ, затѣваемыхъ скитниками, по рѣкамъ Мезени и по Печерѣ. Удовлетворившись въ своихъ изысканіяхъ и распросахъ, Ванюковъ этотъ обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ доноситъ холмогорскому архіерею. На то время каѳедру занималъ архіепископъ Варсонофій — человѣкъ строгій къ духовенству, неумолимый въ своихъ рѣшеніяхъ и резолюціяхъ, которыя

отъ него исходили. Къ дѣламъ старообрядцевъ онъ относился еще съ большею строгостію и нетерпимостью, и потому, тотчасъ по полученіи доноса, потребовалъ отъ гражданской власти военной силы. По его представленію, изъ Архангельска отправлены были 80 человѣкъ солдатъ съ офицеромъ и фузеями. Войску велѣно было содержать цѣль своего похода въ возможной тайнѣ, а потому посланные распространяли повсюду слухъ, что идутъ въ Пустозерскій острогъ. На дорогѣ схватили они печорца, по имени Парѳена, ѣхавшаго съ рыбой. Собравши отъ него нужныя свѣдѣнія, самого его отправили въ Мезень. Обо всемъ этомъ узналъ одинъ изъ друзей скитниковъ, который и поспѣшилъ извѣстить своихъ единомышленниковъ о приближающейся грозѣ за два дни до прихода военнаго отряда. «И оные по совѣту, кіи изволиша страдати за Христа, собралися во уготованную на то храмину, заперлися наготово въ верхнюю жиру, что надъ столовой поставлена, гдѣ братія службу церковную служили и лѣстницы разломали и щиты предъ враты и окны

сдѣлали и запустили, а два окна оставили по́лы для разговоровъ и уготоваша на зажиганье смолье и бересто, которое уже прежде запасено и сохнуло, а овое лишнее книги и иконы отнесоша уже перво́, а овое и по извѣстіи во устроенныя тайныя въ лѣсѣхъ келіи и двухъ человѣкъ отпустиша добрыхъ людей, гдѣ могутъ укрытися, кои сіе знали.»

Пришельцы оцѣпили скитъ наканунѣ осенняго Николина дня и уговаривали запершихся въ окно. Эти спросили указъ—подали архіерейской. Указъ возвратили чрезъ тоже окно на веревкѣ и просили указу губернаторскаго—указу этого осаждавшіе дать не могли, но уговаривали:

— Сдайтеся! не бойтеся—отворите запоры.

Совѣтъ этотъ принятъ не былъ.

Осаждавшіе рѣшились послать въ избу находившагося въ средѣ войска одного мезенца, знакомаго скитникамъ, дочь котораго находилась вмѣстѣ съ осажденными. «И оный былъ, уговаривалъ и дочь свою уговорилъ — выпросилъ, а дочь своеволіемъ и пошла. Послѣ, попа къ окну на канатѣ подняли, посланнаго изъ разряду для

уговорки и съ попомъ довольно о вѣрѣ говорили.» Увѣщаній однако не послушались, но выпросили сроку себѣ для размышленія на два мѣсяца «и давали имъ въ почесть не малое число и дали гостинцы не малые, а стояли близъ двои сутки. Созвали солдатъ изъ лѣсу и начали на другой день жестоко говорити: «что сдайтеся, сроку вамъ не дадимъ, станемъ добиватися и ломать.»

Скитники, не внимая этимъ обѣщаніямъ, пѣли молебны, и когда осаждавшіе стали приставлять лѣстницы, чтобы взять ихъ всѣхъ живыми, скитники «сожгошася и загорѣся храмина и бысть шумъ пламенной яко громъ и пламень огненной, въ мгновеніе ока охвати всю храмину и тако старѣйшій Іоаннъ Анкидиновъ (3) скончася огнемъ и съ нимъ обоего пола, мужескаго и женскаго, числомъ 86 душъ, мѣсяца декабря въ 7 день (1744 г.) Между трупами найденъ одинъ старецъ «вериги желѣзныя около его» и другой

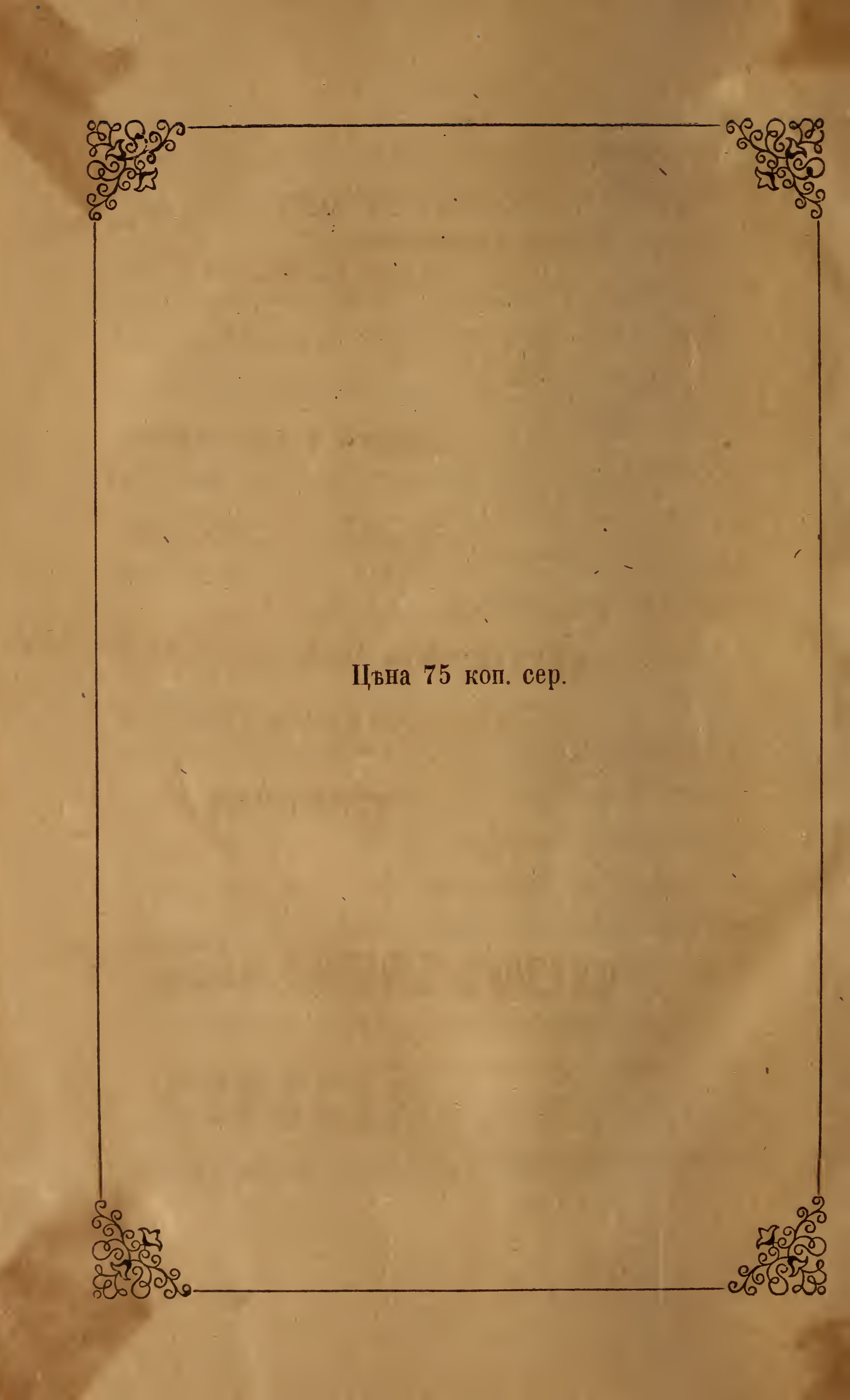
(3) Этотъ Иванъ Анкидиновъ, по словамъ сказанія, былъ родомъ изъ Ростова. Жилъ долгое время на рѣкѣ Выгѣ. На рѣку Печору пришолъ по знакомству съ Парѳеномъ.

бѣлецъ (оба-де несгорѣвшіе). Келіи были сожжены, остальные скитники всѣ переловлены: иные привезены были сперва на Мезень, а всѣ остальные потомъ отданы были архіерею и отвезены для этого въ Холмогоры. На запустѣломъ мѣстѣ оставленъ былъ сначала солдатъ, а потомъ поселены крестьяне.

Въ концѣ сказанія приводится весьма незамѣчательная подробностями біографія этого Іоанна, составленная имъ самимъ, когда онъ былъ уже «близъ сущій вратъ смертныхъ.» Авторъ признается, что въ молодости онъ былъ охотникъ до женскаго пола, даже и при жизни жены своей и вообще «всю волю дьявольскую сотворихъ», часто хворалъ и наконецъ бѣжалъ изъ семьи, но былъ пойманъ, содержался въ архіерейскомъ домѣ въ Олонцѣ, но и отсюда также бѣжалъ. Затѣмъ въ житіи этомъ слѣдуютъ сѣтованія на грѣхи и ругательства на душу, омраченную такими дѣяніями, но — и только. А въ заключеніи: «аще благоволитъ Господь Богъ по мою унылую грѣшную душу, какимъ ни есть случаемъ, какъ онъ нашъ милостивой Господь

Богъ Інсусъ Христосъ своимъ изволеніемъ и милосердіемъ, по воли своей святѣй, изволитъ: помолитеся о мнѣ окаяннѣмъ и помозити ми въ страшное оно слово положеніе; потрудитеся, Господа ради, не презрите сего моего послѣдняго къ вамъ прошенія въ сіе самое нужное мнѣ время; а тѣло мое окаянное, недостойное и скверное, вервицею за ноги задѣвше, повергните внѣ монастыря или гдѣ пригодится въ неугодное мѣсто, въ блатное или въ ровъ псомъ, звѣремъ и птицамъ на съѣденіе, того оное и достойное. Не смиренія ради сія глаголю, но истинно того достойно: аще желахъ и просихъ у Господа Бога, чтобы посредѣ града влачиму и поругану быти и повергнуту звѣремъ и птицамъ на съѣденіе. Но воля нашего общаго Владыки и Создателя Господа Бога, какъ Онъ Свѣтъ нашъ милостивой по моей немощи благоволитъ, и яко же Ему годѣ, тако и буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка. Аминь.»

Такія простыя, искренныя и откровенныя слова написалъ этотъ Иванъ Анкидиновъ за нѣсколько часовъ до смерти.

Цѣна 75 коп. сер.

